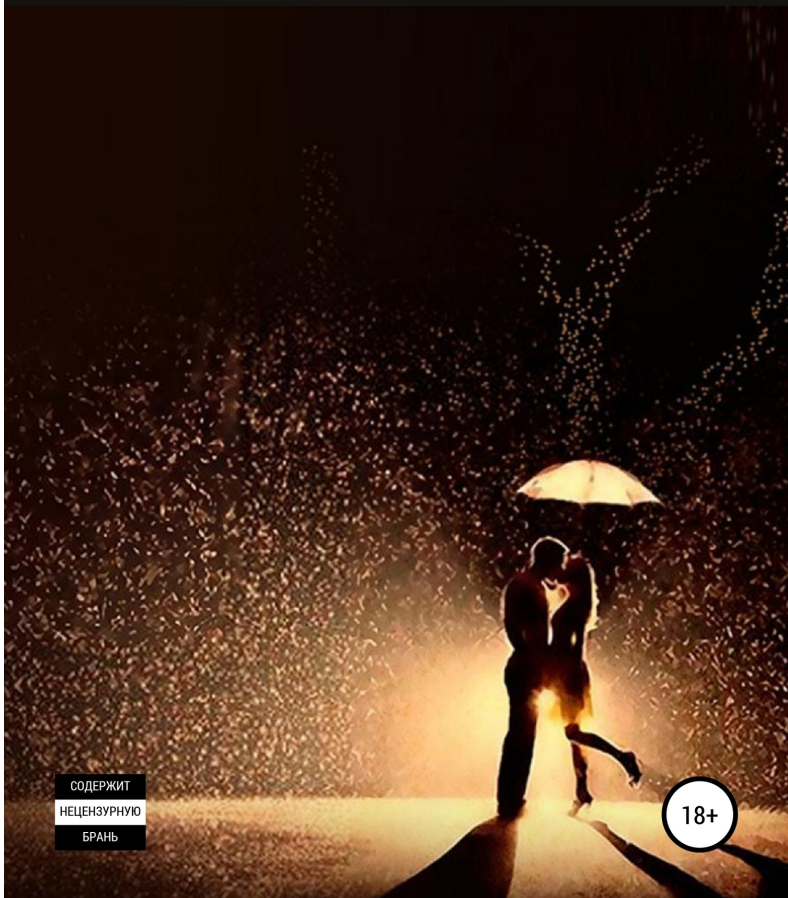

Сергей Афанасьев

Дневник молодого человека

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Сергей Афанасьев

Дневник молодого человека

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56870971

SelfPub; 2020

Аннотация

Любовь занимает самую главную часть в жизни человека. Без любви прожить невозможно. И очень часто этот путь любви мы проходим как будто сквозь огонь, сжигающий нас дотла. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1.	4
Глава 2.	37
Глава 3.	47
Глава 4.	73
Глава 5.	81
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Глава 1.

Армия. Кто не служил, тот не в силах понять магии этого слова! Место, которое довольно жестко проверяет тебя на мужчину, и которое каленым железом вгрызается в душу на всю твою жизнь!

Вот уже неделю как я дома. Но по устоявшейся за два года и два месяца привычке просыпаюсь ровно в 7:10, несмотря на то, во сколько я уснул накануне – в десять ли вечера, или в четыре ночи.

Но, как оказалось, свобода, о которой так мечтал в армии – на самом деле оказалась не таким уж раем. По крайней мере, возникшее жуткое безделье ну просто невероятно тяготило. Особенно после совсем еще недавней круглосуточной беготни в приграничной зоне нашей великой страны. И на работу устраиваться вроде не торопишься, но и делать-то на самом деле совершенно нечего. Ну, сходил к одним друзьям, ну встретился с другими. Ну и что дальше? Сидишь, воешь в пустой квартире – так как мать переехала жить к мужчине, оставив мне жилплощадь в полное и безраздельное владение.

Сегодня – очередной по счету тягостный день – суббота 11 апреля 1987 года, который на удивление выдался солнечным и теплым – снег в большинстве своем растаял и народ оделся почти по-летнему – в легкие куртки и плащи. Да и шапок

почти уже не было видно. А ведь это все про Сибирь! Про Новосибирск!

В очередной раз в глубокой тоске перебрал варианты своего предстоящего времяпровождения, я решил съездить в гости к Сереге Дееву – однополчанину. Вместе служили, но правда на дембель он ушел месяца на четыре раньше меня – по армейскому закону и командир части и начштаба, каждый может задержать на месяц сверх срока, чем они и воспользовались – заменить меня тогда было некем.

Телефона у Деева отсутствовал и заранее договориться о встрече я никак не мог, так что будет он на месте или нет, мне было неизвестно – впрочем все так жили.

Неторопливо собрался и в обед потопал к универмагу "Юбилейный". На первом этаже в грязной забегаловке, набитой озабоченными похмельем мужиками, купил бутылку водки "Русская" и вялой походкой закоренелого бездельника подошел к остановке автобусов, благо она располагалась у самого магазина.

С этого-то все и началось!

Как известно, девушки бывают разные. Но вот эта, случайно попавшаяся мне на глаза при вялом осмотре окрестностей, стоявшая у самого дальнего края остановки, непонятно чем сразу же привлекла мое внимание, приковала, заставив к глубокому моему удивлению почему-то меня заволноваться. Я искренне озадачился – почему? И чем? Вроде бы девушка как девушка. Ну, высокая. Ну, спина прямая. Ну,

стоит гордо и независимо, равнодушно глядя поверх голов. Ну, яркая блондинка с короткой, по плечи, стрижкой. Пышные волнами волосы. Строгий длинный белый плащ плотно затянут пояском на тонкой талии. Высокие, до колен, и тоже белые сапожки с каблуками сантиметров шесть-восемь. Ну, судя по вырисовывающейся линии бедер и учитывая высоту каблуков – ноги у нее должны быть довольно длинные. Шейка повязана белым тонким шарфиком, более похожим на легкий поясок. И стоит совершенно-то неподвижно, не принимая каких-либо манерных поз, которые бы привлекали внимание мужчин. Таких девушек в Новосибирске очень много. Но и все же, я почему-то смотрю только на нее, хотя на остановке полным-полно симпатичных девчонок. Но, быть может, что-то все-таки скрывалось во всем ее облике? Какие-то нюансы? В том, как она избегала взглядов мужчин?

Не видя других вариантов время-провождения я сосредоточился на разгадке тайны ее привлекательности – все равно делать было нечего – внимательно, но не нагло, ее изучая. И в тщетных попытках решить данный ребус незаметно пролетело время. Тем более, что все подходившие автобусы (все – не "мой" номера) она пропускала, что существенно увеличивало шанс, что ей будет нужен точно такой же маршрут, как и мне.

И вот, наконец, подошел "мой" автобус – под номером 29. Я, глядя на нее, выждал пару секунд – на всякий случай. И точно, она решительно направилась к задней двери. Я – ко-

нечно же следом, стараясь держаться к ней как можно ближе, чтобы не потерять из виду. И даже собрался было посадить ее, но вовремя себя одернул – что за пацанско-идиотские замашки!

Быстро организовалась вполне ожидаемая давка – почему-то мне еще ни разу не доводилось выезжать с нашей северной окраины в полупустых салонах. Толпа бурно, с матами, давила сзади, плотно, словно лепешку, прижимая меня к незнакомке.

Зашумели двери в попытке закрыться. Не получилось.

– Ну что, мне выйти, что ли? – послышался в микрофоне недовольный голос водителя.

– Народ! – закричали с подножки. – Ну еще на пол-человека!

Народ добросовестно постарался уплотниться, и этой волной меня в девушку вдавило так, что мне стало ее даже жалко. Но, впрочем, не я бы здесь стоял, так кто-нибудь другой.

Вторая попытка закрыть двери оказалась более удачной. Автобус дернулся, трогаясь с места, и вся масса резко качнулась назад. И на этот раз уже девушка с силой надавила на меня. Да так, что я очень хорошо ощутил сквозь нашу одежду остроту ее лопаток, ямку позвоночника между крепкими мышцами поясницы и плотность ее ягодиц. Честно говоря, мне стало немного не по себе – одно дело касаться незнакомой девушки плечом или коленкой, и совсем другое – такая вот сомнительная позиция. И я в три-четыре движения сме-

нил положение своего тела, встав к ней полубоком.

На таком близком расстоянии оказалось, что она немного выше меня. Что, конечно же, расстроило. Но, здраво рассудив, я решил, что при ее каблуках против моих кроссовок мы, получаемся где-то одинакового роста, или возможно даже я ее слегка повыше. И это меня немного успокоило.

Так мы проехали остановки четыре. На подходе к "Учительской" часть пассажиров принялась энергично пробиваться к выходу и хаотичное броуновское движение (помню еще из физики!) разделило нас. Таинственная незнакомка оказалась у последнего сиденья, которое, впрочем, тут же и освободилось – причем, оба места сразу, и девушка села к окну. А рядом с ней – еще какая-то девица. Тоже, впрочем, симпатичная. Но, тем не менее, я уже не мог оторвать глаз от этой блондинки.

Стремительной волной входящих людей меня прибило к перегородке, отделяющей обеих девушек от стоявших пассажиров. Да еще и продавило вдоль нее, плотно прижав к окну. Так я оказался прямо напротив блондинки, буквально в метре от нее. К тому же сиденья располагались так, что она сидела лицом ко мне. Меня же прижало к окну животом. То есть я стоял к ней правым плечом. Наверное, я даже обрадовался этому – прямо смотреть ей в глаза, в лицо, я бы не осмелился – какая-то жуткая робость вдруг навалилась на меня! Чего никогда не было ни в студенчестве, ни

в армии! Но зато я прекрасно видел ее в оконном отражении и принялся откровенно рассматривать его – на это у меня смелости вполне хватило. Через несколько остановок она, разглядывая окрестности, вдруг скользнула по моему отражению взглядом. Напряглась. Отвернулась от окна, посмотрела прямо на меня – я замер, тупо глядя в окно. Тогда она повернулась к окну и снова посмотрела на меня, но уже через отражение. И я не стал отводить свой взгляд. Так мы какое-то время смотрели друг на друга через отражение в автобусном окне. Внутри меня все сжалось в какой-то странной панике. Ну все, подумал я, невольно смутившись, сейчас отбреет стальным взглядом. Но она первой отвела свой взгляд, сильнее выпрямив спинку и откинув голову назад. Я тоже отвернулся, чувствуя, что краснею, как дурак. Стал смотреть исключительно на пейзаж за окном. Но хватило меня ненадолго – уж больно тянула она меня! Не удержался и снова посмотрел на нее, но уже без всякого стекла, напрямую. Девушка даже не вздрогнула, продолжая упорно смотреть в окошко. И я вижу, что она видит, что я на нее смотрю, но почему-то не реагирует на это. Глазки только слегка бегают. Я тогда осмелел, расслабился, стал любоваться ею более откровенно, чувствуя, как бешено колотится мое сердце. Внимательно осмотрел ее всю. Черты лица – тонкие, губы – в сиреневой помаде, скулки – широкие, монгольского типа, носик маленький, острый, прямой, чуть курносый. Взгляд – прищуренный. Глаза – миндалевидные. Ресницы длинные,

черные. Брови темные. Пальцы тонкие, но не изнеженные, не вялые, даже какие-то крепкие – такие, наверное, должны быть у скульпторов. Волнуется сидит. Пробежала глазами по низу сиденья – наверное просто устала пялиться в окно. Потом быстро взглянула на меня. Я напрягся, но выдержал ее взгляд, хотя от напряжения глаза ужасно заболели, и так же наверное сузились, как и у нее. Она медленно и как-то даже подчеркнуто равнодушно переключилась на пейзаж за окном. Сидела спокойно, руками не суетилась, головой не вертела. Застыла, словно Снежная королева на троне.

Тогда я продолжил свое разглядывание. Демонстративно посмотрел на ее правую руку – колец нет. Закрытая шарфиком шейка. Совсем маленькая родинка-точка с левой стороны носа, почти у ноздри. Два-три мелких прыщика. Девственница? – почему-то тут же подумалось мне.

Не выдержав моего наглого разглядывания, она еще сильнее прищурила свои глазки, и так строго посмотрела на меня, что мне тут же захотелось ее поцеловать. Я, конечно, поспешно отвернулся к окошку, украдкой облизывая свои сухие губы.

А автобус все ехал и ехал. Я не выхожу, потому что мне до конечной. Но и она не выходит. Автобус уже проехал почти через весь город и приблизился к южной окраине. И толпа существенно рассеялась – в салоне стало гораздо свободнее. На задней площадке я вообще остался совершенно один. И

смотрел на нее уже в открытую, в упор. Она только еще раз взглянула на меня, и больше не стала. Устав смотреть, отвернулся, покривившись глупости всего происходящего. А что делать? Выйти вместе с ней на ее остановке и пойти следом, выклянчивая неизвестно что?

И тут – как ударило! Все очень просто – надо дождаться, когда уйдет соседка, занять ее место и заговорить – постараться познакомиться, назначить свидание, узнать ее адрес, и телефон обязательно – вдруг она не придет на свидание, где ее потом искать? А пока место занято – необходимо придумать, что и как ей сказать. А то сяду, начну бессвязно бормотать что-нибудь невразумительное – вообще ничего не получится. А еще будет смешно, если вообще слов не смогу найти, и так и промолчу рядом с ней всю дорогу!

И я принялся добросовестно придумывать свою первую фразу. А потом вдруг понял, что я напрасно жду, что только понапрасну теряю время – ведь все же в моих руках!

И я решительно – боясь что передумаю – обогнул перегородку и встав рядом с соседкой, облизнул пересохшие губы и наклонился к ее головке.

– Извините, пересядьте, пожалуйста, – заплетающимся от волнения языком выдавил я из себя.

Девушка быстро посмотрела на меня и, ничего не сказав – наверняка, давно уже обо всем догадывалась – так же быстро пересела на свободное сиденье. Но тут и блондинка, видя все происходящее, также поспешно приподнялась, но я быстро

опустился на сиденье и даже успел обернуться к ней, и она, чуть заметно вздохнув в досаде и смущении, села обратно, демонстративно отвернувшись к окну.

– Извините, можно один вопрос? – произнес я заранее приготовленную фразу, не видя и не слыша ничего вокруг себя, и ничего не понимая – так бешено колотилось сердце, и пульсировала кровь в висках.

– Я сейчас выхожу, – торопливо проговорила блондинка, в смущении отводя в сторону глаза. Голос ее оказался хрипловатый, низкий. – Но у меня дома есть телефон.

От волнения фразу про телефон я как-то пропустил мимо ушей.

– Где вас лучше искать, там или здесь? – выдавил я из себя продолжение заранее заготовленной фразы.

И она вдруг улыбнулась.

– Там, – кивнула она в конец автобуса.

То есть у "Юбилейного", где я как раз и живу, – с огромным облегчением сообразил я – все ведь легче будет ее найти. Наверное, она или недавно переехала в наш район, или просто выросла за два года моего отсутствия.

– А здесь куда едете? – усиленно борясь с мандражом продолжил я свои расспросы, только чтобы не молчать и поддержать разговор, понимая в душе, что в теперешнем моем состоянии чтобы она мне ни сказала, я все равно этого не запомню.

– К подруге, – ответила она, как-то испуганно стрельнув

на меня глазами и тут же отвернулась к окошку, постаравшись придать себе абсолютно безразличный, этакий равнодушно-бывалый вид.

– Вы извините, что я так себя повел, – сказал я, стараясь убраться у нее испуг. Мол, тебе, такому нахалу, я скажу все, и на все соглашусь, лишь бы побыстрее отвязался, подумалось мне. Надо все-таки постараться хоть как-то расположить ее в свою пользу... Ну хотя бы немного. – Это все армия, – продолжил объяснять я, постаравшись придать своей интонации хоть немного проникновенности. – За два года одичал. Еще не акклиматизировался.

Мне показалось, что упоминание про армию придаст мне солидности, а то уж больно молодо я выгляжу для своих двадцати шести лет. Но не стал уточнять, что служил старшем-двухгодичником после военной кафедры НЭТИ – зачем девушке такие совершенно неинтересные подробности?

Она кивнула, принимая это к сведению, продолжая смотреть в окно и ничего мне не отвечая. Значит надо снова что-то говорить – разговор ведь надо как-то поддерживать, иначе и не стоило начинать!

– Вас как зовут? – снова спросил я.

– Ира, – ответила она почему-то снова смутившись. И это странно было в ней видеть – такая яркая девица, и вдруг – такое детское смущение! Наверное, имя только что придумала, печально решил я, вот и смутилась.

Автобус принялся притормаживать перед очередной остановкой и я невольно перевел взгляд с лица своей соседки на пейзаж за окном. Оказалась что уже конечная. И обычно такой долгий маршрут пролетел, фактически, незаметно. Автобус, резко дернувшись напоследок, замер, с шумом открыл двери. Народ друженько потянулся к выходу. Привстала и Ирина.

– Я провожу вас, – поспешно произнес я, не желая так быстро прерывать нашу беседу – ведь я толком так ничего и не узнал и ничего не добился!

Встал, задержавшись в проходе, чтобы пропустить ее вперед. И тот час между нами вклинились выходящие женщины. И я поотстал, пропуская вперед и их, и выискивая глазами, в какую сторону от автобуса пойдет Ирина, чтобы не потерять ее из виду. И сердце радостно екнуло – выйдя на остановку, представляющую собой огромный земляной пустырь, Ирина притормозила. Ее лицо было холодно-равнодушным, без каких-либо эмоций. Она явно ждала меня, хотя на дверь автобуса даже не смотрела! Увидев, что я спускаюсь по автобусным ступенькам, она развернулась и медленно направилась через залитый ярким солнцем пустырь в сторону далекого МЖК (Молодежно Жилищный Комплекс). Я поспешно догнал ее, сунув пакет с водкой в просторный карман ветровки, чтобы не мозолил перед ее глазами.

– Куда вам? – спросил я, поравнявшись и идя с левой от нее стороны.

Девушка кивнула в сторону одной из групп девятиэтажек.

– И мне туда же, – естественно ответил я. – Там как-раз мой друг живет. Служили вместе. На границе.

И я, для пущей убедительности, чтобы она не подумала, что я просто так за ней увязался и все выдумываю, назвал адрес Сереги Деева.

– Лазурная, 14.

Она пожала плечами, ни о чем меня не спрашивая, и я вынужден был лихорадочно придумывать тему для разговора, в огромной панике понимая, что от волнения вообще ничего в голову не приходит!

– Дембель в январе. На работу вроде надо устраиваться, – принялся рассказывать я, цепко ухватившись за первую попавшуюся слабенькую мыслишку. – И не знаю, надо ли? Кажется бы, куда торопиться? Но, честно признаться, уж больно скучно сидеть дома, – откровенно признался я.

– А я уже неделю как работаю, – безразличным голосом произнесла она, глядя куда-то в сторону по-прежнему сжатыми в узкую щелку глазами. Может, на этот раз – от солнечных лучей?

– И где работаете? – поинтересовался я.

– Институт Топологии. А раньше – в горы ходила, геологом.

Поэтому и руки такие, догадался я.

– Телефон у вас есть? – наконец осмелился я на самый главный вопрос, так как сердцем понимал, что назначать

свидание в данной ситуации по меньшей мере очень глупо – мы ведь совсем не знакомы!

– Да. 74-04-94, – все также сдержанно продиктовала она.

Номер показался очень уж простым. Но цифры почему-то сразу в памяти не отложились. И я, волнуясь, переспросил. Она повторила.

Где-то внутренне, в самой глубинке своей души, я чувствовал – есть какая-то простая закономерность в этих цифрах, почти рифма. Но к своему ужасу я осознал, что номер снова вылетел у меня из головы – от сильного волнения, наверное. Что делать? – запаниковал я. Снова спросить? Покажусь смешным. Но и не спросить – останусь без ее номера телефона.

И я набрался смелости, покраснел, и с трудом выдавил из себя.

– Тысяча извинений. Не запомнил я номер. От волнения, наверное. Вам не будет в тягость повторить его снова?

Она улыбнулась, глядя прямо перед собой. Повторила. И взял себя в руки и сосредоточился. А то уж больно смешно и глупо постоянно спрашивать ее телефон! На четвертый раз она точно умрет со смеха. Я осознал, что все заканчивается на четверки, так что осталось запомнить только первые цифры – 7,0,9. Но на всякий случай я также дополнительно представил себе этот номер перед своим внутренним взором, словно я смотрю на большие жирные цифры, прорисованные на большом плакате – так как точно знал, зрительная

память гораздо сильнее. И на этот раз все сработало – номер лег куда-то на полочку и запомнился намертво.

– Вот, собираюсь вернуться в МСУ-70, – принялся сбивчиво рассказывать я, довольный первой своей удачей (хотя неприятная мыслишка также крутилась в голове – а номерок-то скорее всего также выдуманный, как и имя!). – Это за "Северным" магазином, на Дунаевского. Мы там компьютерами занимаемся.

– А что обозначают эти буквы? – вдруг поинтересовалась она и я очень обрадовался этому – ну хоть какой интерес!

– Монтажно-строительное управление, – расшифровал я.

– Что-то ничего общего с компьютерами, – серьезно усомнилась она.

Мне показалось, что про компьютеры она мне не поверила. Наверное думает, что я бойцом служил, а значит – сразу после школы, и здесь какие уже могут быть компьютеры!

– Вот из-за этого меня и забрали, – сказал я, придав некоторой таинственности своему голосу – все-таки намечалась большая тема для разговора и на какое-то время я буду освобожден от мучений по придумыванию разговорных тем.

– Как-так? – искренне удивилась она. Впрочем, я на это и надеялся.

И я обрадовался возможности тоже хоть что-то рассказать. Возможно даже – интересное.

– Так как работа нашего участка номер одиннадцать сильно отличалась от общей концепции управления, и из-за это-

го по работе было много проблем, – неторопливо начал я. – То мы решили перейти в организацию, которая занимается только компьютерами. А такая оказалась только в Москве. Начальник участка связался с ними и их директор согласился взять нас в качестве филиала. Но потом он вдруг умер, а новому начальнику это было уже безразлично и наш переход заморозился. Вот мы и решили слегка ускорить этот процесс – самые активные из нас накатали в Политбюро большое письмо, где пространно описали минусы текущего бытия и огромные плюсы от перехода к москвичам – нам же ведь всем хотелось активно работать, приносить огромную пользу!

Я невольно посмотрел на нее сбоку – интересно ли ей это? Почему-то подумалось вдруг, что для девушек подобная тема – полная тоска. Но откровенной скуки на ее лице я не заметил и решил продолжать – раз уж начал.

– И вот приехала комиссия из серьезных дядечек в черных костюмах и галстуках. Побеседовали с каждым из подписавшихся. После чего начальник участка и его замы уволились. Уволилось и еще несколько сотрудников, самых активных. А меня почему-то забрали в армию – несмотря на бронь – атомная промышленность все-таки!

Я посмотрел на Ирину. Ее лицо ничего не выражало.

– Правда почему-то накинули звездочку к военной кафедре, – уже более вяло закончил я. – Так что ушел старшим лейтенантом.

Она кивнула, принимая это к сведению и ни о чем не спрашивая.

– А я работаю уже целую неделю, – сказала Ирина в свою очередь. – А до этого гуляла три месяца.

– Я тоже хотел три месяца, – охотно поддержал я, так же как и она, глядя перед собой. – Да вот безделье уже успело замучить.

– А я бы и больше гуляла, да неудобно стало.

– Ну да, денег не хватает, – согласился я.

– Да нет, денег хватает, – отрицательно покачала она головой. – Просто совесть замучила.

И что она все про свой достаток? – недоуменно подумал я. – Зачем? Похвастаться, что богатая невеста?

– Ты, наверное, недавно переехала на четвертый участок? – спросил я, незаметно переходя на "ты".

Наш жилой район изначально назывался четвертым строительным участком, да так потом название и прижилось.

– Да нет, почему, давно уже, – пожала она плечами, по-прежнему глядя куда-то вдаль, словно внимательно разглядывая надвигающиеся девятиэтажки.

– Да?! – попытался изобразить я искреннее удивление – этакий тонкий комплимент! – И я всю жизнь там провел, уже как-то лица жителей примелькались. Но тебя я не встречал – запомнил бы.

– Может и встречал, да внимания не обращал, – снова пожала она плечами.

Мы вышли на узкую тропинку и я, естественно, пропустил ее вперед, и к своему ужасу понял, что говорить-то теперь не смогу, так как обращаться буду ей в спину, что и неловко, и нелепо! Для меня, по крайней мере. Она прошла вперед и я молча и несколько раздосадованно последовал за ней и, пользуясь сложившейся ситуацией, искренне любовался ее фигурой и походкой, которая, как и внешность, тоже привлекала к себе внимание – это была походка уверенной в себе женщины.

Мы молча прошли по пустырю. Молча вышли к лесенке, ведущей вниз, к асфальту возле трех девятиэтажек. И я вдруг осознал, что вот это вынужденное молчание явно отодвинуло меня от нее – но что я мог поделаться?! Молча спустились друг за другом на асфальт. Притормозив, Ира вдруг обернулась ко мне.

– В этом доме живет твой друг, – произнесла она, указав рукой куда-то вдаль, в следующую группку девятиэтажек.

На меня она почему-то упорно не глядела.

– Да, – вынужден был согласиться я, понимая, что назревает окончание нашей встречи. А как создать ее продолжение? – Обрати во сколько поедешь? – наконец осмелился я, в надежде, что смогу хотя бы проводить ее домой и за это время точно уж договорюсь о свидании.

– Поздно, – пожалала она плечами, по-прежнему глядя куда-то мимо меня, и мне было от этого ну совершенно непонятно – возник у нее ко мне хоть какой-то интерес, или она

просто хочет побыстрее отделаться от меня?

И внутренний голос подсказал мне, что второй вариант более чем вероятен – судя по ее безразличному лицу. Но, по крайней мере, она все-таки стояла возле меня, не уходила!

– У "Юбилейного" где живешь? – вынужден был спросить я, иначе совсем ее потеряю – ведь свидание мне явно не светило!

Она промолчала и мне стало совсем грустно – видать я сегодня вытянулдохлый номер – и телефон липовый, и имя скорее всего не настоящее, и видеть она меня, наверняка, не хочет. Но ведь не уходит же! И почему?! Кто бы объяснил мне, что происходит? Эх, заглянуть бы ей в душу, прочитать мысли! Хотя вдруг от этого мне станет только хуже?

– Завтра что делаешь? – в отчаянии снова спросил я, изо всех сил затягивая паузу расставания, в тайной надежде – вдруг я все-таки ошибаюсь и она все же согласится на свидание?

– Занята весь день, – медленно покачала головой Ирина, по-прежнему глядя поверх моего плеча своими прищуренными (то ли от солнца, то ли еще от чего) глазами. – Да и в понедельник тоже, – безразличным тоном добавила она, отчего я тут же сделал неутешительный вывод – встречаться со мной она явно не собирается, и такими тактичными намеками дает об этом мне знать.

– А чем, если не секрет? – на всякий случай поинтересовался я, не собираясь так быстро сдаваться. Может я и оши-

баюсь? Кто их поймет, женщин, что у них, на самом деле, на душе? Хотя где-то в глубине я все-же понимал – это только мои отговорки, попытки создать себе лазейки, и на самом деле все давно уже очевидно – моя карта бита, и причем – уже давно.

– В понедельник – переговоры, – вяло ответила она, все еще глядя в сторону. – Ждать буду с семи вечера.

(Междугородние звонки в эти времена нельзя еще было производить напрямую, с домашних телефонов. Необходимо было сначала заказать разговор, причем, без какого-то конкретного времени – когда на телефонной станции смогут, тогда и соединят).

Ясно, наконец-то мой разум победил мое сердце, убедив его, что девушка совсем не хочет встречаться со мной (я ей все-таки оказался неинтересен), и только из вежливости не говорит об этом прямо. Мысленно я глубоко вздохнул – на душе стало так паршиво! Но что поделаешь?... Ну и ладно...

Спросить ее про вторник? Вроде совсем уж глупо – не перечислять же все дни в году? Я усмехнулся этой мысли, больше не зная, о чем еще говорить. Молчала и она.

– Давай, я тебя еще немного провожу, – наконец, несмело предложил я.

– Ну хорошо, – чуть ли не вздохнула она и повернулась ко мне спиной, направляясь ко второй по счету девятиэтажке. – Но только – до угла.

Я поплелся за ней, с огромным сожалением разглядывая

ее замечательную фигурку, и сердцем осознавая, что больше я ее никогда уже не увижу!

Но выхода никакого не было, это – жизнь. Хватать за руки и навязываться? Будет еще хуже – это я точно знаю – проходил как-то, и даже несколько раз.

Так как плестись сзади – некрасиво, я ускорил шаг и поравнялся с нею.

Молча мы дошли до начала искомого дома и она снова остановилась. Теперь уже точно для окончательного и бесповоротного прощания.

– Вон подруга уже с кухни смотрит, – вдруг сказала она, отвернувшись от дома и наконец-то посмотрев на меня каким-то странным взглядом. – Приду, сразу прикалывать начнут, – почему-то грустно добавила она.

Я остановился с нею рядом. Постарался улыбнуться как можно спокойнее – скрыть свое подавленное состояние.

– Ну чтож, – произнес я, – здесь мы расходимся. Значит – до вторника? – все же спросил я в тайной надежде.

Но она, снова ничего не ответив, развернулась и пошла вдоль дома.

– До свидания, – сказал я ей в спину, развернулся и ушел, подавленный.

И только пройдя метров сто я сообразил, что не посмотрел, в какой конкретно подъезд она зашла – все была бы хоть какая-то зацепка!

На всякий случай остановился и резко обернулся – ее уже

нигде не было видно. Постоял так какое-то время, ловя на себе взгляды прохожих, мельком пробежался по окнам – нигде она с подружкой, или просто подружка, не выглядывает? А потом встрепенулся – да ладно, всякое в жизни бывает. Сейчас, значит – не судьба. А там, глядишь, когда-нибудь да повезет!

И я решительно направился в сторону дома Сереги Деева.

Сверяясь по бумажке, на которой был записан его адрес – он черкнул его при дембеле и я, естественно, ни разу у него еще не был – я поднялся на второй этаж. Нашел требуемую дверь. Позвонил. Какое-то время было тихо и я с огорчением уже подумал, что вот, и его нет дома, и опять мне будет нечем заняться... но тут послышались шаги. Открыла его жена Лана – она была с ним в армии.

– О, привет! – почему-то обрадовалась Лана.

И даже поцеловала меня в щечку и подставила свою для ответного поцелуя. Я несколько растерялся от таких вольностей и даже смутился, но после встречи с Ириной, быстро взял себя в руки и легко и непринужденно коснулся своими все еще сухими губами ее мягкой теплой щечки – чего никогда не делал будучи в армии. Мол, обычное явление, что чужие жены целуют тебя в щеку... да хоть бы и в губы! И эта мысль почему-то ускорила мое сердцебиение.

– Проходи! – радостно посторонилась она.

Я вошел внутрь, закрыл за собой дверь.

Откуда-то вынырнул Серега.

– О! Наконец-то тебя отпустили! – воскликнул он и странно улыбаясь, приветственно пожал мне руку, после чего забрал мою авоську с водкой и ушел на кухню.

Я разулся, все еще находясь под впечатлением от встречи с Ириной. Прошел на кухню. Сел на табуретку. Серега быстро расставил три рюмки, открыл мою бутылку водки, быстро разлил. Лана шустро подоставала из старенького холодильника "Бирюса" разные кастрюльки и судки, нарезала колбасу, сыр, выложила зимний салат. Мы с Серегой все это время молча наблюдали за ее действиями – несколько неудобного разговаривать, когда кто-то постоянно мельтешит перед тобой и наготавливает закуску к налитой в твоей рюмке водке.

Наконец Лана села, улыбаясь и непроизвольно поправляя короткую юбочку. И этот жест почему-то не укрылся от меня, привлек к себе внимание, что меня искренне озадачило – ведь за два года на Западной Украине я столько раз был у них в гостях, и ни разу я не заострял внимание на том, как она одергивает свою юбку. А она – юбка то есть – там, в Липовке, как мне помнится, была гораздо короче!

Серега взял свою стопку, быстро приподнял.

– За Липовку, – предложил он, блестя наглыми глазами.

Видать, он за четыре месяца гражданки гораздо сильнее прочувствовал влияние армии, чем я. Ностальгия в некотором роде.

С легким превосходством – я ведь совсем недавно отту-

да! – я поднял свою рюмку. Непроизвольно вздохнул, молнией вспоминая первое КПП, асфальтовую аллею, проходящую через весь военный городок до самого КПП-2, свой дом под номером 16, магазинчики, почта, еще жилые дома, второе КПП, за ним – бассейн, потом – штаб, в котором я раз в месяц нес суточный наряд – помощником дежурного по части, – потом аллея еще с километр вела в гору, на самую ее вершину, где располагалось несколько пяти- и трех этажных зданий, и большая тарелка космической связи, а где-то в стороне стоял "Веер" – четыре стометровых мачты – в хорошую погоду их было видно даже из Львова.

Засвербило под сердцем и, глядя на насмешливые глаза Деева – он явно понимал мое состояние, сам ведь прошел через это, – я только грустно кивнул – действительно, два года какой-то постоянной стремительной жизни – только задумался о программе преобразования МТК5 в МТК2 (на Фортране-4), как появляется Начштаба и коротко командует – Газы! И ты, как дурак, стремительно несешься к своему противогазу – а ты всегда должен знать, где он находится – и, задержав дыхание и закрыв глаза – чтобы защититься от ядовитых газов, действующих через слизистую оболочку глаз, на ощупь быстро раскрываешь противогазную сумку, выдергиваешь шланг, также на ощупь привинчиваешь его к противогазной камере, выхватываешь маску, заученными движениями двух рук раздвигаешь ее и резко натягиваешь на голову (все еще с закрытыми глазами, и, естественно, не дыша),

проверяешь плотность прилегания резины к лицу – чтобы нигде не осталось и щелочки. И только после этого делаешь резкий выдох – чтобы выкинуть из маски и шланга ядовитые вещества, которые проникли туда, пока ты все это одевал. После чего можно уже открыть глаза. И все на этом – начштаба останавливает свой секундомер. Все это ты должен проделать максимум за одиннадцать секунд. Я обычно укладывался за девять. Но были и такие, кому хватало и шести.

– Мы – на гражданке! – мягко толкнул меня в плечо Серега. – Очнись! Все давно уже в прошлом!

И он чекнулся своей рюмкой с моей. Чекнулась и Лана, тоже странно поглядывая на меня, словно она знала какую-то тайну. А может, последствия встречи с Ириной были так заметны на моем лице, и она все давно уже поняла – женщина все-таки!

Не зная, что им всем и сказать, я только молча кивнул и резко выпил. Все сто грамм. До дна. Поставил рюмку не морщась – в армии мы в основном пили только чистый спирт – нам его выдавали для чистки компьютерных разъемов и поверхностей болгарских дисков.

Резко выдохнул. Переждал какое-то время – водка, как и спирт, суеты не любит. Потом, не обращая внимания на странные взгляды Ланы и Сергея, потянулся за колбасой.

Они тоже выпили.

Какое-то время мы молча закусывали. Не знаю, как они, а я в это время ярко вспоминал армейский бассейн – букваль-

но еще двух недель не прошло, как я в нем купался! И штаб – я там был в суточном наряде десять дней назад. И вообще – я все это помнил ярко и хорошо, словно никуда и не уезжал. В отличие от Сереги, который находился в Новосибирске уже как четыре месяца.

– Ну, как оно там? – наконец поинтересовался он. Дееву было явно интересно.

– На технику, вместо майора Поденежного назначили капитана Щеглова, – ответил я, вспоминая, что же конкретно изменилось с того момента, когда мы напились на проводах Сереги – жена еще раньше уехала в Новосибирске, так как училась в торговом институте – к мужу она приезжала только на каникулы.

Серега серьезно покачал головой.

– Ну надо же, – сказал он, беря листья салата. – А мне казалось, он так на этой должности до самой пенсии и дотянет.

Я кивнул, соглашаясь. За два года службы мне тоже так казалось – фигура Поденежного была неотрывно связана с группой ремонтников технического оборудования.

– А его куда?

– Под Каунас перевели.

– А сестры Пенкины? – перебила меня Лана. – Они как? – поинтересовалась она с живейшим интересом в глазах. – Ведь их папа-прапорщик, кажется, из твоего подразделения?

И мне тут же стало неловко – так как все свое время, в отсутствие жены, Серега проводил либо с этими близняшками

(вместе или порознь), либо с их подружкой (которая являлась зам секретаря комсомольской организации Липовки). И судя по насмешливым взглядам, которые Лана бросала на мужа – ей это было хорошо известно – было кому рассказать, так как из Новосибирска с нами служило еще человек восемь, причем трое из них также были с женами. Я, повинаясь армейскому братству, напустил на себя безразличный вид и несколько меланхолично ответил.

– Они же ведь – мастера спорта по плаванию. Их вроде как забрали в сборную Украины по водному поло. Так что я их и не видел.

Лана понимающе кивнула, как-то многозначительно посмотрев на меня, словно это не ее муж, а я изменял ей с ними. И я невольно покраснел.

За разговором водка быстро закончилась и Серега принес поллитровую банку с чистым спиртом – армейские запасы. Стало еще веселее. Лана разбавляла себе один к трем. А я поймал себя на том, что в порыве восторга, во время убеждения ее по каким-то малозначительным вопросам клал руку на руку Ланы, а также и на коленку один-два раза. И мне все это ужасно нравилось! А их обоих, как мне показалось, это только забавляло.

А потом за окном стемнело и я стал прощаться, посчитав, что Ирина, скорее всего, из гостей пойдет где-то в это время – уж больно хотелось снова ее увидеть. Поэтому-то я раньше и не уходил!

При прощании Лана снова подставила щечку для поцелуя. И я, пользуясь предоставленным случаем, поцеловал ее три раза – гулять так гулять!

На улицу я вышел все такой же возбужденный. Состояние – любые трудности по плечу! Наверное, от этого и алкоголь меня не брал. Время 22:30. Темень голимая. На конечной остановке стояло человек пять. Тихо шептались. К сожалению Ирины среди них не оказалось – хотя втайне я очень надеялся на это. Поймал себя на том, что у меня после встречи с Ириной энергия перла через край! Хотелось с кем-нибудь поговорить! Не важно – о чем. И пока я оглядывался, прикидывая, к кому из одиноких девушек или девичьих групп я могу подойти, подъехал 29-й автобус. Явно – последний по расписанию. Мы все погрузились внутрь. Я не стал занимать свободные места, и встал по привычке в конце салона, не в силах сидеть на месте и мысленно, в чрезвычайном возбуждении, снова и снова переживая встречу с Ириной.

Впрочем, вспомнились и Деевы, и как я клал свою руку на коленки Ланы. И мне вдруг стало стыдно. Вот Деевы-то поди сейчас смеются надо мной!

Через две остановки заскочили две веселые девчонки – высокая, в очках, и маленькая, которая держала под мышкой бутылку водки, использованную на треть. Встали на пустой задней площадке – рядом со мной, и тут же продолжили свое веселье, шумно разговаривая о своем, девичьем. Редкие

пассажиры, кто неодобрительно, кто с живейшим любопытством, косились в их сторону, но молчали.

Длинная в очках сделала пару глотков прямо из бутылки, а потом достала из пакета ароматную котлету и принялась с аппетитом ее поедать. А бутылку снова запихнула под мышку.

Наконец я не выдержал.

– Уронишь. Разобьется, – предостерег я. Водку было по-чему-то жалко.

– Да и ладно! – весело ответила маленькая, не оборачиваясь. – Там – вода.

Я улыбнулся.

– Вас как зовут?

– Света, – небрежно представилась маленькая.

– Лариса, – более серьезно ответила высокая.

– Учитесь? Работаете? – продолжал интересоваться я, видя, что девочки, в принципе, совсем не против поболтать, не то что Ирина.

– Учились вместе в кулинарном техникуме. А теперь работаем. Лариса – в "Золотой Ниве". Я – в "Руси".

– А живете где?

Лариса пожала плечами

– Я – в общежитии на "Школе".

– А я на Жданова.

Вроде как пришло время и о себе что-то сказать – некрасиво только и делать, что расспрашивать.

– А я на Объединения обитаю. Вот только из армии как неделю вернулся, – признался я. – На границе служил.

– Тебе двадцать три? – тут же поинтересовалась маленькая Светлана.

– Да, – зачем-то согласился я – привык к тому, что выгляжу моложе – и во Львове и в Дрогобыче водку покупал только по паспорту.

– Никогда бы не подумала, – улыбнулась Света.

– Что, много? – улыбнулся я в ответ.

– Нет, наоборот. Дала бы двадцать пять.

– Даже так? – на этот раз искренне удивился я.

Света, побултыхав бутылкой, плотно приложилась к горлышку и существенно отпила, звучно булькая. Со стороны это смотрелось довольно смело и привлекало к себе многочисленное внимание.

– Что завтра делаете? – задал я один из главных вопросов.

– О, уезжаем, в Алма-Ату! – дружно засмеялись они, загадочно переглядываясь между собой.

– А-а-а, знаю! Фрунзе, Иссык-Куль... Был там раз пять, – посмеялся и я.

Автобус перевалил Горбатый мост и остановился у "Дома Одежды".

– Пока, – беспечно произнесла Света и девушки весело направились к выходу.

И я тоже вдруг вышел в теплую, почти летнюю, ночь, повинувшись какому-то своему внутреннему возбуждению. Они

посмотрели на меня, снова посмеялись и побежали через дорогу. Я – за ними.

Девушки замерли на остановке, явно ожидая автобуса номер 3, который здесь сворачивал в частный сектор на Кропоткинском жилмассиве. А какие там улицы! Осоавиахима, Пулеметная, Совнаркома, Третьей конной... Словно окунаешься в семнадцатый год!

Я совершенно не чувствовал с ними никакой скованности, смущения или робости.

– Я здесь лягу, – показала Света на лавку, улыбаясь. – Не пойду, если будешь провожать. Меня парень ждет. Будет скандал, если тебя увидит.

– Хорошо, – улыбнулся и я. – Доведу только до дома и обратно.

– Да что ты такой наглый?! – возмутилась она, впрочем, весело улыбаясь.

– Я? Разве? – нарочито удивленно поинтересовался я.

– Не женат?

Я продемонстрировал ей отсутствие кольца, подняв соответствующую руку и растопырив пальцы.

– Что? Пять раз? – снова засмеялась Светлана.

– Кольца нет, – объяснил я, тоже улыбаясь.

И вообще, на душе было как-то очень уж легко и свободно.

– Ну, много таких, что и не носят, – вставила более молчаливая Лариса, и мне показалось, что она как раз была бы

не против, если бы я проводил ее одну.

– Я молодой еще, не опытный. Пока еще так не умею, – сокрушенно покачал я головой.

– Почему не женишься?

– Да девчонок нет. Как провожать, так такая же история, как и с вами, – отшутился я.

Девчонки засмеялись.

– Лицо у тебя такое знакомое. У 66-го не таскался? Не стоял? – вдруг спросила Света, глядя мне прямо в глаза, словно пытаюсь что-то вспомнить.

Где это, я не знал, но на всякий случай многозначительно пожал плечами. Нет, мол, да и армия все-таки. Если 66 – это номер дома по Объединения, то там я в студенчестве встречался с одной девушкой. Правда, встречался всего раза три – не успел бы примелькаться.

– Что ты такой наглый? Вдруг – бандит? Вдруг – нож у тебя? – продолжила свои насмешки Светлана.

Посмеялся и я. А тут и автобус. Они сели. А я ногу на ступеньку поставил, интригуя – мол, сейчас как запрыгну в салон! – что делать будете?! И такая мысль на самом деле возникла у меня – для продолжения сегодняшних интересных приключений – но я быстро ее отбросил – все хорошо в меру, и не стоит перегибать палку – не хотят ведь этого девушки, устали уже об этом мне говорить.

Я только улыбнулся, убрал ногу и помахал им рукой.

– Пока! – весело помахали они мне в ответ и двери авто-

буса закрылись.

Уехали. Я посмотрел на часы – 23:50. Дошел пешком до "Олеко Дундича". И здесь пробежался к стоявшему на остановке трамваю. Оказался "14" – идет ко мне и тоже с МЖК. Я внимательно осмотрел салон – Ирины и здесь не оказалось. Приехал на конечную – "Сосновый бор". Прогулялся пешком через темный лес. Вышел на Объединения. Дошел до своего дома. Поднялся по ступенькам. Открыл дверь своей пустой квартиры. Зашел. Включил свет. Закрыл. Вот и все на этом – конец всем приключениям!

Всю ночь я ворочался, мысленно продолжая знакомство с Ириной – про Свету с Ларисой вообще не вспоминал! Все говорил и говорил с ней, придумывая первое и последующие свидания. Представлял, как приведу ее к себе домой, как очень медленно раздену... И все прочее... Дух захватывало! Но потом сам же и смеялся над своими мыслями: "Михаил, ты делишь шкуру не убитого медведя!". Представил, как суетясь и потев буду раздевать ее и сам судорожно стягивать с себя одежду, как останусь в дурацких трусах – ну до того гнусная получилась картина!...

А если телефон неверный? – также волновался я. – А если верный, но во вторник она просто меня отошьет? А если вдруг согласится на свидание, то что с ней делать? Куда вести? В ресторан? Кафе? Кино? К друзьям? Дурдом.

К тому же уж слишком быстро она дала и свой телефон и

назвала свое имя, но промолчала на вопрос – где живешь и ничего конкретного не сказала о возможной встрече. И это меня все сильнее и сильнее убеждало, что больше я ее никогда не увижу. И от этих мыслей становилось совсем тоскливо! И я горько и зло смеялся в подушку.

В общем, спал просто отвратительно. Можно сказать, вообще не спал. И почему-то всю ночь потел.

Глава 2.

В воскресенье 12 апреля в семь утра я поднялся тем не менее в сильно приподнятом настроении – уж больно много чего волнующего обещал предстоящий день. Энергично умылся. Прошел на кухню, глянул в окно – снегопад однако, все покрылось белым, и видимость нулевая. Однако снова придется доставать теплую куртку, перчатки и зимнюю шапку, привычно подумал я – снег еще долго будет бороться с весной, по крайней мере по традиции на майский военный парад у нас всегда идет снег.

Завтракал в спешке, разгребая сумбур в голове.

Так, надо подготовиться к звонку, – думал я, намазывая хлеб маслом. – Что конкретно сказать ей по телефону? И как? Вот, например, звоню, а мне женский голос в ответ – Да? – Я – Добрый день. Иру можно? – Это я. – Привет. – Привет. – Давай встретимся?

Тут у меня все и застопорилось. А дальше-то что? Где встретимся? Какая программа развлечений? Так что бы и ей было интересно! Чтобы она откликнулась на мой звонок! Если, конечно, телефон верен. Последняя мысль существенно омрачила мои размышления, в принципе, переводя их к бессмысленности. А ведь так обидно – не спать всю ночь и размышлять над тем, что в конечном итоге, оказывается, не будет иметь никакого смысла!

А собственно, зачем ей встречаться? – вдруг несколько охладился я, отрезая кругляш докторской колбасы. – Эта встреча нужна только мне, потому что Ира мне сильно понравилась. А я ей? Вряд ли, судя по ее разговору со мной. Наверняка, она отговорится кучей дел.

Я несколько загрустил. Но нельзя падать духом. Надо, в конце концов, бороться!

И вот уже два часа дня, а я все не могу найти себе места – все волнуюсь, все переживаю вчерашнюю встречу. Целый день мысли только об Ирине.

Поймал себя на том, что почему-то мне очень хочется увидеться именно с ней! Не с Ларисой или Светой. С ними, конечно, было забавно – но и только. Что-то в Ирине меня притянуло. Целый день и ночь я бился над этой загадкой, но так и не смог ее разрешить – внешность, манеры, выражение глаз. Что?

В общем Ира упорно не давала мне покоя.

И все это время я порывался ей позвонить. Но бил себя по рукам, призывая к терпению. Она ведь сказала же, что во вторник! И если я сейчас пойду звонить и ее телефон окажется верным, то я буду выглядеть очень уж глупо. И мои шансы на возможное свидание заметно понизятся! Зачем так рисковать?!

Но... Человек слаб. И я не выдержал. Не утерпел. Сломал-

ся. И со словами: "А, будь что будет!... Сил никаких нет терпеть эту муку!", я все-таки вышел на улицу, трясясь, словно в лихорадке. Хорошо хоть идти было недалеко – телефонные кабинки располагались в торце дома, а мой подъезд был самым последним. Я быстро вышел на улицу, свернул налево за угол, по пушистому снегу подошел к двум телефонным будкам. Одна была занята какой-то девицей. Я вошел во вторую, поднял трубку – нет гудков – телефон не работал. Вышел. Принялся ждать, волнуясь от предстоящего разговора.

Наконец девица освободилась.

Я зашел. Плотно закрыл за собой дверь – почему-то не хотелось, чтобы кто-нибудь меня слышал (в этой будке все стекла оказались еще целыми, да и сама кабинка внутри была еще не сильно испарана и разрисована). Бросил две копейки. Дрожавшей рукой набрал номер.

Гудки...

И вместе с гудками нарастал стук моего сердца, поднимаясь откуда-то из глубины и чувствительно ударяя в виски и в затылок.

– Да, – вдруг послышался тихий женский, слегка хриловатый голос.

– Здравствуйте. Можно Ирину услышать? – с какой-то опаской произнес я, дрожа в глубине души – ну вот сейчас все и разъяснится! Сейчас услышу – здесь такие не живут!

– Это я, – устало ответила она без всякого интереса.

– Привет, – забормотал я торопливо, перебивая оглуши-

тельный стук сердца в висках. – Это Михаил. Мы встречались вчера в автобусе.

– Узнала.

Сердце застучало еще сильнее. И пока я лихорадочно вспоминал, какие темы придумывал для разговоров, она откликнулась первой.

– Что, позвонил, чтобы проверить, правильный ли телефон? – серьезно спросила она.

– Да, – растерянно признался я.

– А я, честно говоря, думала, что вообще не позвонишь.

Тут я растерялся еще больше, так как этот ответ не вписывался ни в один из придуманных мною ее образов.

– Что делаешь? – наконец спросил я.

– Полы мою, – равнодушно ответила она.

– А потом?

– В гости пойду.

– Меня бы кто-нибудь пригласил в гости, – с легким намеком грустно произнес я.

Молчание... Потом.

– Меня не зовут, я сама хожу.

Снова молчание. Я растерялся еще больше. Что это, намек на то, чтобы я не спрашивал ее разрешения, а молча бы зашел к ней в гости? Но вот куда? Адрес-то она свой мне не дала. И я суетливо принялся искать новую тему для разговора.

– Иди домой, а то замерзнешь, – услышал я в трубке. –

Холодно на улице.

– Я тебя задерживаю? – неприятно кольнуло меня.

– Да, – прямо ответила она.

Я совсем упал духом.

– Ну, извини, – пробормотал я торопливо, боясь, что она первой и без предупреждения положит трубку, тогда уж точно конец нашим, так и не начавшимся отношениям. – Во вторник когда позвонить? – спросил я в тайной надежде, что еще не все потеряно.

– В восемь, – услышал я короткий ответ. – Я же ведь еще и работаю.

– Ну чтож, пока, – сказал я, так как больше и нечего было говорить.

– Пока, – ответила она.

Я немного подождал, но коротких гудков так и не услышал. Значит, она все еще держит трубку. Зачем? Может мне еще что-нибудь сказать напоследок? – мелькнула поспешная мысль, но я ее отбросил – не надо быть смешным, попрощался ведь уже. И я решительно положил трубку.

Разочарованный я направился домой. Нет у нее никакого желания встречаться, почему-то пришел я к неутешительному для себя выводу, поднимаясь по лестнице на пятый этаж. И непонятно – ведь и молода, и вроде смушалась вчера, и телефон мне дала, а вот на тебе – спокойно так относится к нашему знакомству, словно каждый день у нее такое. И я вынужден был ее уговаривать, фактически уламывать, выдер-

гивать у нее согласие на встречу. И это – унижительно! Михаил, будь мужчиной, в конце концов – не будь просителем! Не надо!

И снова бессонная ночь. И снова хаос мыслей – что и как ей сказать во вторник, как ее наконец-то заинтересовать и чем. И одна лавина мыслей сметалась другой лавиной, и я так много всего ей мысленно наговаривал умного и проникновенного, что голова окончательно распухла. Но к утру точно понял – я остался ни с чем – ничего умного я так на самом деле и не придумал!

И вот наконец-то прошло воскресенье. И весь понедельник я только и делал, что ждал, когда же наступит вторник! И не просто вторник, а вторник восемь вечера! Все также постоянно думал об Ирине и снова все порывался ей позвонить. Но... Хорошо что телефона дома у меня нет, и надо выходить на улицу. Но для этого надо было одеться, собраться, выйти. Это меня и останавливало от звонка. Понимал, глупо все это. Буду выглядеть круглым дураком. В том смысле, что, скорее всего, больше звонить мне и не придется. И поэтому я добросовестно терпел весь этот дурацкий понедельник, совершенно не зная, чем заняться, так как мысли постоянно крутились только вокруг Ирины и воспоминаний о ней – как она смотрела на меня в автобусе своим серьезным, с прищуром, взглядом, и как – в сторону вверх моего пле-

ча, как подождала меня возле автобуса, как мы шли рядом, и как она шла впереди...

И все эти воспоминания, промелькнув, раз за разом снова возвращались к своему началу, и я снова переживал – и ее отражение в автобусе, и как я к ней подсел, и волнующий прищур ее глаз... И снова... И снова... И снова.

И это была какая-то бесконечная мука! И сил не было прервать все это, и я с трудом сдерживался, чтобы не позвонить, и тем самым как бы разорвать поток своих мучений, в огромной боязни потерять ее безвозвратно, если все же хоть какая-то зацепка да осталась!

Итак, целый день я провел дома, изредка глядя на экран телевизора, либо топтал пол из угла в угол, либо пялился в окно на улицу Объединения – вдруг она пройдет по ней по каким-нибудь своим делам?

И от избытка чувств я взялся за дневник – хоть кому-то высказаться о наболевшем! Выложусь на бумагу – вдруг на душе станет легче?

И как сел, так и принялся исписывать страницу за страницей. И это снова был какой-то кошмар! Так как я снова, в сотый наверное раз, принялся переживать все это заново!

А потом я снова принялся за построение планов – о чем буду с ней говорить, как буду проводить свидание, если, конечно, получится встретиться. И если она все-таки придет на свидание – то тогда попробовать обязательно поцеловать ее при расставании – поставил я себе такую цель. И мысли

были такие легкие и приятные! И щекотали душу, радостно волнуя сердце.

Но потом вдруг становилось страшно – а если и во вторник ничего не получится? Отговорится еще какими-нибудь делами? Что тогда?

Но с другой стороны – как она в воскресенье разговаривала со мной по телефону? А? – Иди домой, а то замерзнешь. – Больше было похоже на заботу, чем на повод закончить разговор. И это я относил к огромному плюсу – хотя разум и спорил со мной, настаивая на втором варианте! И сама первая не положила трубку, ждала, хотя раза три мы уже успели попрощаться.

Итак, мое предположение – она все же согласится на свидание. Ну, хотя бы из чистого любопытства. И если у нее не будет других, более заманчивых, предложений.

Чтож, отлично, пойдем дальше!

– Ты в чем будешь одета? – спрошу я после того, как назначу встречу.

– А зачем это? – естественно, поинтересуется она.

– Чтобы сразу тебя увидеть. А то вы девушки – народ загадочный – смените одежду с прической – вас и не узнать.

И тут я задумался. А не будет ли это выглядеть откровенной глупостью? Может, все-таки не стоит этого всего говорить? Чушь какая-то.

Нет, через какое-то время подумал я, надо с ней выдержать паузу. Нельзя резко начинать, постоянно теревить ее о

свидании, о внимании ко мне. А лучше каждый день мимо-летно, но не навязчиво, давать о себе знать. Звонить и просто разговаривать с ней о каких-нибудь житейских пустяках. Чтобы не вспугнуть. А завтра позвонить попозже, не в восемь, а полдевятого, например, чтобы и ее заставить помучиться в ожидании – если получится, конечно. И не назначать пока свиданий, а сначала разговорами по телефону попытаться расположить ее к себе?

И снова мысли перенесли меня к ее образу. Ее голос почему-то совсем не соответствует ее внешности. Лицо – аристократическое, тонкие черты, холодный прищур (от солнца, или все-таки от волнения?) миндалевидных глаз, взгляд – внимательно-настороженный. Скромна. А голос и интонации грубы, резки, как у блатных девчонок. Построения фраз – простецкие, рабоче-крестьянские. Короче – разительный контраст. Наверное, это горы ее так испортили, решил я.

Снова послонялся по квартире. Состояние – подвешенное. Все из руки валится. Чтобы занять себя решил наточить все ножи. На кухне уткнулся лбом в шкафчик над раковиной, включил воду и принялся под струйкой водить оселком сначала с одной стороны ножа, потом – с другой, и так несколько раз, пока при опробовании кожа на пальце не стала цепляться за лезвие. Еще часик времени смог убить.

И вот уже наступил поздний вечер. И опять мысли лежат на диване: На всякие обломки с ее стороны – улыбайся. Не

принимай это близко к сердцу, что она предпочитает сходить куда-то в гости, чем встретиться с тобой. И уж слишком часто ты перед ней робеешь. Решительнее надо, наглее. Сказали же те девицы: Слишком наглый. – Так оправдывай это! Вспомни, наконец, армию! Да и студенчество, тоже! Не был же ты таким робким!

А ведь обидно до глубины души – какие-то гости у нее, а потом – еще какие-то мероприятия! И это значит, что я ей совершенно неинтересен, как ни крути! И нахожусь в ее приоритетах где-то на самом последнем месте. И зря я только фантазирую, готовлюсь к чему-то. Или, такова женская логика? А может, все наоборот? Она сейчас только и думает, что обо мне, и именно поэтому так себя и ведет? А? Кто бы мне подсказал про это?

И в ожидании завтрашнего дня сердце трепетно, словно мотылек у лампочки, волновалось.

Так вот прошел и понедельник, и ночь вторника. В изрядном волнении – что день грядущий мне готовит? Очень уж хотелось бы, чтобы все было замечательно! Но вот будет ли?

Глава 3.

Надо сказать что эту ночь я также спал плохо. Точнее – вообще не спал. Впрочем, как и все предыдущие ночи. Думал, вспоминал, прикидывал, что ей скажу по телефону в плане вариантов свидания. И к своему ужасу за всю ночь я так снова ничего стоящего и не придумал – какое-то обилие сплошной глупости!

Встал я, конечно же, очень рано. Даже раньше 7:10. Торопливо позавтракал, уже начиная ожидать двадцати часов, до которых было очень уж далеко.

Послonyaлся по квартире, снова вспоминая поездку на 29 автобусе. Потом сел на диван, пытаюсь снова придумать то, что произнесу в телефонную трубку. А также торчал у окна, глазел на улицу Объединения – вдруг Ирина пройдет по ней по каким-либо своим делам? Хотя бы просто на нее еще раз посмотреть!

В промежутке между этими занятиями сто раз посмотрел на стрелки механических часов – очень уж медленно они двигались.

И вот наконец 20:00. Ну или почти 20. Я решил, что пока я оденусь, пока спущусь, пока наберу номер – то этого времени как раз и хватит, чтобы стало ровно восемь.

И вот я уже в телефонной будке. В теплой куртке, зимних ботинках, вязанной шапочке на голове и с перчатками в кар-

манах. Волнуюсь еще больше вчерашнего. Из головы вообще все вылетело, что я вчера напридумывал. И даже, по-моему, рука дрожала, пока я набирал номер.

Звонок. Длинные гудки.

– Да? – низкий, хрипловатый, чуть грубоватый голос.

– Здравствуйте. Иру позовите, – попросил я на всякий случай – вдруг это не она?

– Я.

– Это Михаил.

– Узнала.

– Здравствуй, – выдохнул я обреченно.

– Привет, – как-то даже настороженно ответила она.

– Какие у тебя планы?

– Никаких.

– Давай встретимся?

– Давай.

Сердце мое, и без того стучащее, словно я пробежал по Карпатам километров пятнадцать, забилося в два раза сильнее.

– Как ты смотришь на то, чтобы просто погулять? – очень уж неуверенно выдавил я из себя, так как ничего путного на наше совместное времяпровождение за все эти дни я так и не придумал.

Долгое молчание. На душе у меня все похолодело.

– Пожалуйста, – наконец ответила она, и я чуть громко и радостно не выдохнул в трубку – что она обо мне бы тогда

подумала? Мол, какой-то сопливый ребенок, а ни какой не офицер-пограничник. – Когда?

– Давай, сейчас, решительно предложил я, понимая, что снова окунуться в процесс ожидания, в котором я и так находился все эти дни и последние часы, будет ужасной пыткой.

– Кино идет.

– Ты что, кино смотришь?

– Могу и не смотреть.

– Ну, значит, договорились! – обрадованно произнес я.

– Где встречаемся?

– А ты где живешь?

– Между 184 и 78 школами.

В принципе, я тоже живу между этими школами. Только мой дом находился на центральной улице, а школы – во дворах ближе к улице Макаренко.

– Тогда встречаемся у "Аптеки", что у ЖД переезда. Хорошо? – поспешно предложил я то, что мне первое пришло на ум.

– Далековато, – в сомнении произнесла Ирина.

– Ну ты и домоседка! – придал я своей интонации легкую насмешливость.

– Ну, хорошо, – спокойно ответила она.

– В 20:30. Успеешь? – спросил я.

– Наверное. По крайней мере, без двадцати точно буду.

– Кстати, ты, обычно, на сколько опаздываешь? – как-то даже весело поинтересовался я – настроение у меня очень уж

улучшилось и просто зашкаливало, и кровь радостно бурлила, энергично перекатываясь в венах и артериях и переваливаясь через края.

И тут я услышал короткий тихий смех. И тут же еще больше воспрял духом.

– Культурные люди – на пятнадцать минут, – произнесла она, и какой-то огонек послышался в ее интонациях.

– Значит, придешь без пяти девять, – продолжил по-детски веселиться я, не в силах уже остановиться.

– А вдруг вовремя приду?

– Это – редкость, – насмешливо произнес я и, осознав, что чем больше буду болтать, тем позже она придет, перестроился на серьезный лад. – Ну все, не буду тебя отвлекать. Собирайся. Жду.

И повесил трубку. Посмотрел на часы – мы разговаривали около восьми минут. До встречи еще целых полчаса! Не домой же возвращаться?! И я неторопливо, хрустя снегом, направился в сторону Аптеки, стараясь по дороге убить время. Прошелся по большой площадке перед Почтой и кинотеатром Современник. Вышел к дому культуры Аркадия Гайдара. По светофору перешел улицу Объединения, вышел к универмагу Юбилейный. Прошелся по полупустой остановке, на которой совсем недавно увидел Ирину. Вдруг остановился на том же самом месте, где я стоял в тот раз. Посмотрел в ту сторону, где стояла в тот раз Ирина. В душе почему-то защипало. Прошел дальше и встал как раз там где при-

близительно стояла Ирина. Постоял немного, чувствуя легкую дрожь, словно окунулся в ее аромат, в тепло ее тела. Потом медленно пошел дальше. Минул еще четыре пятиэтажки (и 66-й дом – среди них). Вышел к Аптеке – девятиэтажное здание, весь первый этаж которого занимала Аптека – единственная на весь участок.

Снова посмотрел на часы – времени еще много. Надо как-то дальше его убивать.

Принялся в нетерпении ходить кругами по слабо истоптанному снегу. Меня всего трясло и я волновался как школьник. Елки, вдруг спохватился я, забыл про обувь ей сказать, чтобы надела на низком каблуке! Ну, сейчас держись – точно придет на высоком – смотри на нее снизу вверх! Ну чтож, буду стараться держаться по-наглее.

Снова обдумал те фразы и те темы разговоров, что я заготовил. Кое-что отбросил (в который уже раз!), кое-что заново переделал.

Снова, в который уже раз я посмотрел на польские электронные часы "Montana" на левой руке – купил за 50 рублей во Львове на черном рынке, что располагался за Оперным театром. Уже натикало девять вечера! Основательно потемнело, но небо еще не совсем черное, да и розово-голубая полоска еще держалась на заходе солнца. Однако, выпаривает она меня, с некоторым недовольством подумал я, ужасно боясь, что она не придет.

И тут я ее и увидел.

И просто обомлел от того, что "такая" вот девушка идет именно ко мне на свидание! И ни к кому другому! Дух захватило, и на сердце похолодело. Даже, наверное, перестало биться!

В варежках и светлой меховой шапке ко мне легкой грациозной походкой приближалась высокая стройная девушка. Поймал себя на мысли, что где-то я уже видел такую. То ли в другой жизни, то ли в кино, то ли в ночных мечтах.

Я невольно покосился на каблуки – как я и боялся они оказались довольно высоковаты.

– Привет, – неуверенно произнес я, когда она поравнялась со мной.

Действительно, сейчас она была выше меня на пару сантиметров, и поэтому поцеловать в щечку я ее просто побоялся – так как пришлось бы тянуться вверх, и возможно даже, привстать на цыпочки, что выглядело бы ужасно смешно.

– Привет, – кивнула она, внимательно глядя на меня, словно уже успела забыть, как я выгляжу.

Я, придерживаясь тона, заданного телефонным разговором, демонстративно посмотрел на часы.

– Зашла случайно в ванную, – вдруг стала оправдываться она. – Оказывается, штаны замочила. Пришлось быстренько их постирать, – совершенно непонятно объяснила она.

Я стоял и смотрел ей в лицо, в глаза, с которыми у нее оказалось все в порядке – большие, красивые и действитель-

но миндалевидные. Вот только их цвет не разобрал.

– Знаешь, – начал я свои заранее приготовленные объяснения, – хочется просто прогуляться по тихим улочкам, поговорить с тобой спокойно, без шума и ресторанной толкотни. Но я не знаю, ты вообще-то девочка красивая, значит балованная. Может, тебя это не устраивает, ты скажи?

– Да нет, почему, – улыбаясь, пожала она плечами. – Все нормально.

Я слегка двинул рукой, показывая направление нашего движения, и мы пошли во двор Аптеки – эта дорога выводила в Сосновый бор, который находился совсем неподалеку. Она шла рядом, держа руки в карманах длинного светлого пальто.

Какое-то время мы шли в темноте между домами – синяя полоска на западе уже исчезла и небо медленно чернело, а фонари над подъездами почему-то не горели.

– Работаешь? Учишься? – наконец поинтересовался я.

– Закончила геологический техникум, – равнодушно ответила она, глядя прямо перед собой. – Сейчас вот работаю мастером-геологом.

– А давно живешь в этом районе?

– Давно, – размеренно ответила она, по-прежнему глядя перед собой. – Сначала восемь лет жили в девятиэтажке, которая прямо у 173 школы.

Там обитала девочка Лена, в которую я был влюблен в восьмом классе, почему-то тут же подумалось мне.

– Потом мы переехали сюда, на Макаренко.

То есть все эти годы она жила здесь, рядом со мной, сообразил я.

– А училась где?

– В 173.

– Надо же! И я там учился! – невольно вырвалось у меня.

Она с легким интересом покосилась на меня. Сверху вниз.

– Тебе сколько лет? Двадцать один?

Я отрицательно покачал головой.

– Двадцать шесть, – ответил я. – Меня не сразу после института забрали.

Ирина удивленно качнула головой.

– А мне – девятнадцать. Разница – семь лет. Мы в школе и не замечали друг друга.

Я невольно кивнул, перебарывая то, что оказывается, все школьные годы она была рядом со мной. Точнее – последние три. И все это время я наверняка ведь часто сталкивался с ней в коридорах. А когда я закончил школу – она была десятилетней пигалицей с бантиками и портфельчиком.

– Школу когда закончила? – решил уточнить я.

– В 84-м. 8 классов, – ответила она. – А ты?

– В 78-м, – ответил я. – Десятый "А" класс.

Она снова кивнула, о чем-то задумавшись, словно подсчитывала что.

– Это где Женька Подчепаев учился? – наконец спросила она.

Я кивнул. Она только усмехнулась.

– Если не секрет, какой у тебя рост? – поинтересовался я наболевшим.

Она улыбнулась.

– Не секрет. 176. Королевский – как говорят.

И я невольно согласился с этим – с термином "королевский" применительно к ней.

Снова молчание. Снова я был вынужден лихорадочно искать тему для разговора. Тем более, что мне показалось, что девушка явно скучала, и было такое неприятное ощущение, что она на встречу-то пошла, потому что делать ей было совершенно нечего. И, значит, надо как-то активизироваться, рассказать что-нибудь интересное и перестать ее спрашивать, а то ей станет совсем уж скучно и она быстренько свернет наше свидание, да и на второе ей вряд ли захочется.

– Я в армии на границе с Польшей служил, – принялся неторопливо рассказывать я. К счастью, армия – это такой бездонный колодец историй – надолго хватит. – Карпаты. Климат забавный. Одну зиму вообще не было снега – так, островками. Ну, думаем радостно, на лыжах бегать не придется!...

Я посмотрел на Ирину. Снизу вверх.

– У нас как выходной, так все, кто не на боевом дежурстве, привлекаются к разным спортивным мероприятиям, – пояснил я. – Кросс вокруг части километров на пятнадцать, военно-спортивные эстафеты на стадионе, либо еще что-ни-

будь подобное. Отдыха, короче, не давали.

Заметив, что я смотрю на нее, она коротко покосилась на меня и вяло кивнула одними ресницами, тем самым как бы поддерживая разговор.

– А потом, в мае, вдруг как навалило! В субботу в пять утра стучится ко мне в дверь посыльный боец – мол, приказ командира подразделения, в восемь утра быть на КПП-1 с лыжами.

– А почему – в дверь? – коротко спросила она.

– Так я офицером служил, – понял я ее сомнения – действительно, какие в казарме могут быть стуки в двери – наверное прошлую мою фразу про старшего лейтенанта она просто не запомнила. – После военной кафедры в НЭТИ. Так что жил в квартире-общежитии с еще двумя холостыми офицерами.

Она молча кивнула, принимая это к сведению.

– А спрятаться? – снова спросила она, с легким любопытством посмотрев на меня.

– Ну-у-у, – протянул я. – Во-первых, куда спрячешься – колючая проволока кругом. А во-вторых – граница, постоянная боевая готовность, и твое начальство должно постоянно знать, где тебя точно искать, если вдруг что начнется.

Ирина снова, как-то даже задумчиво, без насмешки, посмотрела на меня, но ничего не сказала. Отвернулась. Ясно, всю нашу беседу мне пока придется тянуть одному.

– А еще у нас был такой забавный отряд! – вспомнил я. –

В связи с тем, что в части было много секретной техники, а шоссе от польской границы проходило совсем рядом и, имея соответствующее приспособление, можно было, например, легко наблюдать, что в данный момент высвечивается на наших секретных мониторах.

Она снова, с легким удивлением посмотрела на меня.

– Ну-у, – пустился в объяснения я. – Мы не совсем границу защищали. Точнее, мы ее защищали с помощью всякой техники, в том числе и с применением компьютеров.

Судя по ее взгляду – она ничего не поняла.

– Этакая секретная часть, расположенная у самой границы, и напичканная всевозможной техникой, – уточнил я. – Например, слушали разговоры летчиков НАТО над Балтикой. Основная задача нашей части – предотвращение ядерной войны, – зачем-то похвастался я, и мне тут же стало стыдно.

– И как? – слегка прищурившись, недоверчиво посмотрела она на меня.

– Предотвращали, – пожал я плечами.

В ее глазах появился некоторый интерес, любопытство.

– И каким образом? – снова спросила она.

Соврать бы что-нибудь этакое, захватывающее! – тут же подумалось мне, но я этому устыдился. – Еще чего! Ложь всегда потом выйдет наружу.

– Узнавали о действиях, которые явно ведут к войне, – передислокации, перевооружение, усиления, перевод ракет

на боевую. И сообщали об этом дипломатам. Чтобы те уже сами начинали суетиться, кричать на весь мир... Это на мой взгляд. А как на самом деле они поступят – нам было неизвестно. Наша задача была проста – среди крупинок полученных данных выявить группу таких, которые явно ведут к войне.

Я уж не стал рассказывать, что мы также слушали космическую связь – спутник Интелсат-4, висевший над Атлантикой и соединяющий Америку с Европой, – прослушивая разговоры работников Локхид и других заводов, выпускающих оружие. Не говоря уже о шифро-каналах. Это, конечно, все было секретом. Перед уходом дал подписку на десять лет. Но... На Новые года по какому-нибудь из прослушиваемых нами телефонных каналов мы регулярно получали факс – Елочка с подписью на русском: "С Новым Годом, в.ч. 83525!". А также наш командир и его замы время от времени получали поздравления с очередным повышением, рождением детей и прочее. И причем – все это поступало не по одному, а по разным каналам!

Она коротко кивнула. И осталось неизвестно – поняла ли она.

– Да, так вот, – продолжил я. – Как только на расстоянии семи километров вдруг остановиться какая-нибудь польская машина, группа офицеров, которым было разрешено не бриться и не стричься, одетые в старые ватники, полоскали рты водкой, чтобы пахло, и быстренько выезжали на старом

грязном газике. Подкатывали к полякам, останавливались и начинали настойчиво предлагать им свою помощь.

Она снова посмотрела на меня. На этот раз – с каким-то непонятным любопытством.

– А в части на это время выключали все мониторы, – пояснил я. – И пока мужики не вытолкают иностранцев из семикилометровой зоны – мониторы не включали и работа приостанавливалась.

Мы вышли из жилой зоны. Подошли к железной дороге. Спустились вниз, в железнодорожную канаву. Перешли рельсы. Стали подниматься. Здесь было покруче и из-за снега довольно скользко, и я, пройдя первым, подал ей руку. Пальцы у нее оказались теплыми, тонкими и жесткими.

– А водку они что, выплевывали? – вдруг заинтересовалась Ирина, внимательно, с легким любопытством посмотрев на меня.

Я недоуменно пожал плечами, отпуская ее руку и направляясь дальше по тропинке.

– Конечно! – ответил я. – Таких ведь гостей может быть очень много, и тогда бы они к вечеру просто уже не смогли бы добраться до шоссе!

Ирина усмехнулась, снова идя рядом со мной.

– Водку жалко, – неожиданно прокомментировала она, сунув руки в карманы.

Я промолчал, не зная, как отреагировать на это замечание.

– А у нас, в геологическом техникуме, что на Красном проспекте, во дворе здания где "Спутник"...

Она вопросительно посмотрела на меня, и я почему-то поспешно кивнул – мол, ну конечно же, кто же не знает единственное в городе турбюро, а сам принялся лихорадочно соображать, в какую сторону от Дома Офицеров он располагался, и что там вообще было рядом. Хотя, зачем мне все это было нужно, я так и не понял.

– Раз на лабах мы заперлись с подругой и половину учебного спирта выпили. А закуску мы заранее с собой принесли. А для маскировки остаток разбавили водой до исходного уровня – отметили предварительно помадой – и поставили обратно, в шкаф. Но хлорка, зараза, осела и ее стало заметно. А преп наш все понял. Обиделся. А он к нам ко всем очень хорошо относился! Стал нас укорять: Ирка, ну отпили спирт, ну ладно, но портить-то его зачем было?

Ирина помолчала, явно погруженная в воспоминания. Потом вздохнула.

– Это были вилы, блин.

– Да, уж, – поддакнул я. – А нам в армии спирт выдавали каждый месяц – на технические нужды. Причем медицинский приносили в блестящей фляге, а технический – в большом алюминиевом бидоне, в которых обычно молоко развозили.

Она кивнула, судя по взгляду, уже погруженная в какие-то свои воспоминания.

– В седьмом классе я занималась прыжками в высоту, – продолжила она нашу беседу. – Чуть не сломала позвоночник. Поссорилась с тренером и ушла. Он ко мне потом ездил домой, уговаривал вернуться. Но я ни в какую. А поведение в школе было у меня очень плохое. В нашей компании постоянно какие-то драки. В одной из них милиция всех загребла. А один из нас – уголовник. Ему – все. А я на показаниях – мол, не видела его и все тут. А другие сказали, что видели. Загребли меня за лжесвидетельство и поставили на учет, и потом ходили проверять в 21:30, чтобы я дома была. А я после проверки всегда на улицу уходила.

Я не совсем все понял, но переспрашивать не стал. Однако! – подумал я. А ведь она в том автобусе запросто могла меня отбрызнуть, громко сказав на весь автобус, например: Ну что, хмырь, уставился?! Или не могла?

– Можно один вопрос? – вдруг спросил я.

Она слегка напряглась. Внимательно посмотрела на меня. Кивнула длинными темными ресницами.

– Ты такая решительная в жизни! Почему в автобусе меня не отшила? Видела же, что я откровенно пялился на тебя.

Она пожала плечами.

– Ты меня не напрягал. Ну или не сильно напрягал.

Помолчала.

– А почему, кстати, пялился? – вдруг спросила она с неподдельным интересом посмотрев мне в глаза.

– Уж больно понравилась, – тут же честно признался я.

И Ирина снова задумчиво кивнула.

– Вообще-то я спокойная, – сказала она после непродолжительного молчания. – Но иногда, когда вынуждают, на меня может накатить.

– Глядя на тебя в автобусе, никогда бы не подумал, – сказал я.

– Да, в тихом омуте... – ответила она, чуть отвернувшись.

Мы прошли через ночной лесок, впрочем, достаточно светлый из-за снега. Дошли до конечной остановки трамваев. Именно здесь я в тот памятный вечер вышел из 14-го маршрута.

Пересекли трамвайные линии, перешли дорогу. Какое-то время мы шли по тротуару. Справа от нас сплошной стеной темнели деревья "Соснового бора", слева – двухполосная дорога с редкими фонарями, за ней – две трамвайных колеи, а дальше – снова густые темные деревья, которые в своей глубине скрывали две воинских части и военный городок.

Какое-то время я размышлял – пойти по тротуару Лесной, или прогуляться по лесу? Решил, что в лесу и тише и спокойнее, и повел Ирину к ближайшей тропинке в сосны.

– Любимая дорога, – усмехнулась она.

– Что, часто здесь гуляешь? – с каким-то даже ревнивым подозрением поинтересовался я.

– Конечно!

Я повел ее по центральной – самой широкой – аллее, чтобы она ничего такого обо мне не подумала. Впрочем, фонари

на аллее также не горели, но из-за белого снега саму аллею было достаточно хорошо видно.

Коротко разговаривая о каких-то пустяках, мы прошли мимо пустующих темных аттракционов – колесо обозрения, всевозможные качели, ангары под электромобили и тир. В низинке мы разделились, с двух сторон обходя перегородивший тротуар нарастаявший пласт льда, покрытый толстым слоем скользкой грязи. Снова сошлись вместе. Вышли на тихую улочку Александра Невского, обычную для Новосибирских задворков – треснувший, с ямами, горбатый асфальт под ногами, грязь на тротуаре от подтаявшего мокрого снега и в углах покосившихся бордюров – там, где эти бордюры еще присутствовали. Уличные фонари тоже имелись, но горел всего один – где-то там, вдалеке.

Неторопливо пошли по сторбленному тротуару.

– Может, на Бродвей? – предложил я, имея в виду центральную улицу этого района – Богданку. Бродвеем мы на своей окраине называли любую широкую освещенную улицу, на которой к тому же было еще и много народа.

– Машины не люблю, – покачала она головой.

И меня это тоже устроило – тихая улица, никого нет, мы одни – что еще надо?

Ирина вдруг быстро оглянулась по сторонам – никого вокруг.

– Курить хочу, – сказала она, доставая из кармана пачку сигарет, а я понял, почему она не любит Бродвей – там свет-

ло и много народа. А женщинам было неприятно открыто курить – осуждалось это, все-таки будущая мать! Да и потом, как она будет дышать на своего новорожденного ребенка? Так что женщины курили либо в ресторанах, либо прятались куда-нибудь.

– Куришь? – поинтересовалась она.

– Бросил, – не стал объяснять я, что, фактически, и не успел начать.

Она понимающе кивнула.

– Тогда тебе не предлагаю, – сказала Ирина.

Достала спички, остановилась. Я остановился тоже. Она повернулась спиной к ветру, закрываясь, чиркнула пару раз, сложив руки лодочкой, слегка пригнулась, прикурила. Я терпеливо ждал. Она пару раз затянулась, раскуривая сигарету, убрала спички в карман.

– Между прочим, – сказала она, – я сегодня должна быть еще на работе. У нас скважина в Толмачево идет.

Она замолчала, снова затягиваясь, а я сделал вывод – наверное, ради меня не пошла на работу.

Я молчал, так как несколько отрицательно относился к курящим девушкам, и теперь не мог сообразить как себя дальше вести.

– После техникума – год назад, – заговорила она, видно расценив мое молчание, как передачу ей разговорной эстафеты. – Работала на Алтае, в партии, мастером-геологом. Ходила в горы, пробы брать, то, се. Жила в палатках, или в

поселке на квартире. И мой сосед по квартире – он провел девятнадцать лет в тюрьме – вдруг стал в два часа ночи в гости ко мне заходить. Не приставал, но пугал – зарежу, мол, если с другим с кем увижу. И как-то увидел меня прогуливающуюся с милиционером, и потом врезал. Губа опухла.

Я посмотрел на Ирину. Она была погружена в воспоминания.

– Но в милицию я не заявила. А его мать на меня – Что, хочешь посадить? – Я – Ты, стерва старая, если еще раз он появится, я его утоплю, гниду этакую! Баррикадировалась на ночь. А он один раз топором дверь выломал. Стучал сначала – я, естественно, не открывала. Вломился – Не слышала, стучал? – спрашивает. – А кто ты такой, чтобы тебе открывать? – ответила ему. Вмазал мне еще два раза. Вся морда опухла, и шрам на губе остался. А он с друзьями. С ними никто из местных не ссорится. Боятся. А я написала заявление в милицию. Ко мне дружки разбираться приходили. А я уволилась и уехала.

Она помолчала, а я подивился выпавшим на ее долю испытаниям.

– Хотя работа мне очень понравилась. Если бы не этот сосед, с гор бы не слезла, там бы на Алтае и осталась.

Я тактично покивал, понимая, что на такие откровения надо уметь отвечать. Украдкой посмотрел на нее. Взгляд отреченный. Видать, воспоминания плотно захватили ее.

– Зрение – минус два, – продолжила она. – На микроско-

пах в СНИИГГИМСе потеряла.

– А у кого там работала? – поинтересовался я, так как студентом приходилось подрабатывать в этом заведении.

– В лаборатории Васильева.

– И я у него! – подивился я. – Студентом подрабатывал.

А в какой комнате сидела?

– В сто восьмой, – ответила она, с каким-то интересом посмотрев на меня.

– И я в ней, – кивнул я, поражаясь как тесен мир!

Ирина докурила сигарету, поискала глазами мусорницу, подошла, выбросила окурочек. Вернулась ко мне. Снова неторопливо пошли вдвоем по темной узкой улице Александра Невского – улице моего детства. Слева – пятиэтажные дома, справа – заборы многочисленных детских садов. Вдоль дороги с обеих сторон – высокие тополя.

– А вон тот детсад – мой, – вдруг невольно вырвалось у меня. – Я в него ходил. Причем – с ночевкой. Мать меня в понедельник утром отводила, а в пятницу вечером – забирала. "Жаворонок" называется.

И Ира действительно внимательно посмотрела в темноту, на темный двухэтажный корпус за забором и деревьями. Кивнула.

– А еще был случай, – вдруг заговорила она, чему-то улыbnувшись. – В поле ко мне подходит один и говорит: Вадим. Я только варешку открыла, чтобы сказать: Ира, как он продолжает – Первый секретарь ВЛКСМ. Я – Извините, я не комсо-

молка. – Но ты же на учете состоишь? – Состою. – Так в чем дело? – Так смотря на каком. – У него аж лицо изменилось, когда до него дошло, – закончила она с каким-то радостным блеском в глазах.

Я кивнул на всякий случай, глядя перед собой на тротуар – вдруг она в этот момент скосила на меня глаза?

– Идем, как пионеры, – наконец произнес я то, что долго собирался сказать. – Под руку возьми, что ли.

Она коротко взглянула на меня. Спрятала свою руку под мой локоть, впрочем, не прижимаясь. Засмеялась.

– Да я вообще сама не догадываюсь, пока мне не скажут.

И начала,

– Один раз в поле как-то все рассосались, и осталось нас двое девчонок и двое студентов. Идем парами. Я, как обычно, болтаю, руками машу. Мне сзади – Ирка, а сколько пионерское расстояние? – Я не поняла. – Отвяжитесь, говорю, и дальше иду. Снова спрашивают. Наконец до меня дошло. Ну, мол, по просьбам трудящихся!...

И она, смеясь, слегка прижала мой локоть к себе, коснувшись меня своей упругой грудью, и мне от этого мимолетного движения стало очень приятно. Даже, наверное, в жар бросило! И потом время от времени ее грудь слегка вдавливалась в мою руку, и я млеял от этих прикосновений!

Сосредоточенный на ее груди я молчал. Впрочем, она тоже о чем-то задумалась. Мы прошли вдоль длинного забора медсанчасти номер 25. В детстве мне доводилось лежать

здесь – и даже два раза. Но я не стал ей об этом рассказывать.

А вот уже и кинотеатр "Космос" – конец Невскому. Именно здесь я и жил в коммуналке до семи лет. Я невольно посмотрел на свои старые окна, на балкон на третьем этаже. Рассказать ей про это? – в сомнениях подумал я, и решил, что не стоит.

– Обратно? – коротко спросил я.

Ирина подумала, кивнула, и мы развернулись и медленно пошли обратно.

В разговорах о школе и общих знакомых мы незаметно прошли всю улицу Невского, Сосновый бор, вышли у Аптеки на Объединения и вскоре оказались возле Современника. Здесь мы присели на лавочку – я предварительно смахнул с нее снег перчаткой. Она снова закурила, пристально глядя на двух быдлоподобных, изрядно пьяных мужиков, которые, выйдя из-за Почты, усиленно зыркали по сторонам, в поисках – кому бы дать в зубы. Ира напряглась, замолчала. Боялась, что пристанут? Меня же они не волновали – хоть они и были поздоровее меня, но уж больно плохо держались на ногах. Если что, от их кулаков я легко уйду, а вот они от моих – вряд ли. Достаточно только энергично двигаться, кружась вокруг них, мгновенно и часто нападать, быстро отскакивать назад, и дело будет сделано буквально в пол минуты, причем, без единой царапины с моей стороны.

И мы продолжаем сидеть на лавочке. За нашей спиной в темноте хмуро возвышались ели.

– Денег не хватает, на еду все уходит, – произнесла она после очередной затяжки.

– Ты покушать любишь? – поинтересовался я.

– Если вкусно.

– А мне все равно. В армии – сечка, рыба. Ешь все подряд.

– А я рыбу люблю. Особенно – соленую.

Я кивнул, отметив про себя, что мужчина бы сказал – вяленую.

– У меня дома две штуки вяленых окуней лежат, – тут же нашелся я. – Пиво только никак не могу купить – скучно одному. Ты пиво пьешь?

Я внимательно посмотрел на Ирину. Она также внимательно – на меня. Странно усмехнулась.

– Пью иногда. А что? – наконец ответила она с небольшой задержкой.

– Просто чтобы узнать твои интересы, – стараясь казаться безразличным пожал я плечами.

Она посмотрела на часы.

– Домой? – тут же спросил я.

Она снова посмотрела на меня и коротко кивнула.

– Тогда – веди, – сказал я и она снова кивнула, вставая с лавки.

На этот раз она уже не держала меня под руку и я не настаивал на этом – хорошего понемножку.

Прошли через двор школы 78. Вышли на перекресток Макаренко и Столетова.

– Здесь – направо, – коротко сказала она, и мы пошли вдоль улицы Макаренко.

Дошли до ряда параллельных пятиэтажек, которые уходили вглубь, во дворы и имели общий номер – 23, но с дробными. Ирина свернула к ним. Дошли до второй пятиэтажки и она направилась вдоль дома. А мне почему-то вспомнилось, что в следующем доме жила одна девочка, с которой я дружил будучи еще студентом-первокурсником. Тогда я подолгу торчал в ее подъезде, и она, шифруясь от родителей, торопливо выносила мне любовные записки.

Мы прошли вдоль дома и Ирина остановилась у предпоследнего подъезда. Три развалившихся ступеньки, дверь полуоткрыта – пружина была сломана, лампа внутри подъезда тускло горела, а над самим подъездом – нет.

Она повернулась ко мне. Наступила сцена прощания.

– Я тебя совсем загулял, – сказал я.

– Да ничего, – пожала она плечами, глядя чуть в сторону от меня.

– Сто лет вот так не ходил с девушками.

– Тогда сколько же тебе сейчас? – пошутила Ирина.

– Студентом – какие прогулки? Пьянки. Просыпаешься неизвестно где, неизвестно с кем, – как-то даже неуверенно произнес я.

Она как-то согласно усмехнулась. Стояла, не уходила.

– А в армии – два года на точке.

Снова пауза. Стояли вдвоем в темноте – лампочки и на

соседних подъездах тоже не горели. Молчали. Друг на друга почему-то не смотрели. Точнее, я на нее изредка посматривал, а она на меня – нет.

– Как тебя можно отловить? – наконец спросил я – очень уж не хотелось мне с ней расставаться!

– Не знаю, – пожалала Ира плечами. – Работа такая, неизвестно когда могу освободиться. Бывает – до десяти или до одиннадцати.

Она внимательно посмотрела на меня – сверху вниз.

– Ты звони, вдруг дома буду. Я, вообще, обычно дома сижу, – вдруг сказала она, стоя лицом к лицу совсем близко от меня.

И в этот момент я непроизвольно потянулся к ней губами. Она, смутившись, быстренько подставила левую щечку – я как-то суетливо ткнулся в нее носом и губами – и поспешно скрылась в подъезде.

А я еще немного постоял, слушая ее быстрые удаляющиеся шаги, и медленно направился домой.

Дома еще потолкался на кухне, посмотрел телевизор, переваривая прошедшую встречу.

Первое впечатление – красива, резка, смела, пытается казаться бесшабашной, раскованной, этакой бывалой девицей. Но на самом деле скромна, например, как в автобусе.

И жаргон у нее... "Блин" постоянно произносила. Говорила громко, много жестикулируя, мне, фактически и слово

вставить не давала.

Ты же таких девочек всегда сторонился! И жаргон, и на учете! И курит еще вдобавок! Что же с тобой случилось вдруг? Меня ведь совершенно не коробило от всего этого? Что странно. Не удивлюсь, если у нее еще и татуировки окажутся!

А СНИИГИМС?! Она, оказывается, сидела в той же комнате и на тех же стульях, что и я, лазила в те же самые шкафы! И я тогда не знал, что потом, через 6-8 лет в этой комнате появится девушка, которую я потом встречу в автобусе, и из-за которой не смогу спать по ночам.

Сказала, что сидит дома. Значит у нее никого нет, – переосмыслил я ее фразу с внутренней бурной радостью.

Каблуки мои что-то очень уж низковаты, в досаде подумал я. Надо будет купить ботинки повыше. Не просить же, чтобы она ради меня одевала не то что ей нравится, а то что подходит мне?!

Впервые за все эти дни уснул я сразу же и спал как убитый.

Глава 4.

И снова целый день мечты и сомнения. Я решил быть мужчиной и взять паузу – то есть день выждать. Поэтому позвоню ей только послезавтра. А то вдруг надоем еще такой своей каждодневной навязчивостью?!

Но такая моя позиция продержалась совсем недолго. И вскоре я уже рассуждал: Но с другой стороны ведь вечер вроде хорошо прошел?! Я нормально держался! В грязь лицом вроде не ударил?! Она ведь шутила, опять же под руку меня взяла, и напоследок сама сказала – Ты звони! И щечку подставила под поцелуй! Поэтому решено – позвоню завтра, а в качестве предложения позову на рыбу с пивом.

Бессмысленно болтаясь по квартире принялся составлять пригласительную фразу. Наверное, она должна звучать примерно вот так: Добрый вечер. Позовите Иру. Здравствуй. Как ты себя чувствуешь? – Она – В смысле? – Одеться можешь и выйти на улицу? – Могу. – Тогда я приглашаю тебя в гости на рыбу. И так далее. Назову свой адрес. Буду ждать. Она придет. Будем сидеть в зале на диване, есть рыбу, пить пиво. Потом я подсяду к ней, стану гладить ее волосы. Ты красивая, – скажу я. А потом поцелую...

А если она воспротивится? – тут же возникли неприятные сомнения по поводу возможности поцелуя. – Тогда извинюсь. Мол, одичал. И как ни в чем не бывало продолжу

застолье.

Я довольно ярко представил себе все эти посиделки, общение, и поцелуй как главная цель, и мне вдруг подумалось: А смогу ли я все это? И понял – мне не хватает легкости в общении. Как это было, например, со Светой и Ларисой. Напряженность ситуации будет давить на меня. Я буду волноваться, путаться в словах, не всегда буду успевать сообразить, как правильно надо ответить...

Ну хорошо, сдался я, тогда запасной вариант – приглашу ее на медленный танец – между нами должен невольно создаться некий интим, и поцелуй должен пройти более легко. И я ее после танца посажу на диван и вежливо, без наглости и настойчивости, спрошу: Извини, можно я тебя поцелую?

Я мысленно представил все это – вроде должно пройти. И я обрадовался этой идее! Требуется соответствующая музыка! Я принялся поспешно перебирать магнитофонные ленты и пластинки (Нота-203, Арктур-106, усилки, колонки), выискивая где побольше медленных танцев. Но когда у тебя сплошной рок – это оказалось очень проблематично. Вот например у Дип Перпл достаточно медленных композиций. Ну или почти медленных. Но среди множества энергичных всего одна медленная – не буду же я каждый раз вскакивать с дивана, бежать к магнитофону и перематывать очередную бобину, наушниками выискивая начало очередной медленной композиции?! Довольно глупо будет выглядеть! Но к счастью, на глаза попались четыре кассеты с нарезками

разных песен, сделанная мною еще классе в девятом, когда мне только что купили магнитофон. А там – и Смоки, и Самоцветы, и Арабески, и Дипы, и даже "Горечь" Пъехи – все в одном флаконе. Выбрал из них ту, в которой медленных оказалось больше всего.

Потом, еще до обеда сходил в Юбилейный, в обувной отдел. Самый высокий каблук – около пяти сантиметров – оказался только у летних ботинок. Не по погоде, конечно, но делать нечего – купил. Денег после армии оставалось порядочно, тем более, что я там получал очень даже неплохо – 130 рублей за звездочки, плюс 150 за должность. (Моя мать, работая продавцом в кондитерском отделе, получала всего 80 рублей). Пиво заранее решил не покупать – бутылочного не достать, а разливное быстро выдыхается – его надо пить сразу.

А потом, придя домой, я вдруг решил: А что тянуть рези-ну?! Позвоню ей сегодня!

Возражений никаких не возникло – и разум и сердце были полностью "за", и я решил дождаться девяти вечера – наверняка она должна быть уже дома. Повод с пивом, естественно, отпал – где я сейчас его куплю? Поэтому остается только один вариант – гуляем по улице, а потом я приглашаю ее к себе в гости – погреться, посмотреть как я живу. И в предвкушении возможного танца с Ириной, я невольно заволновался, и чем ближе к указанному сроку, тем волновался все сильнее и сильнее. И настроение вроде какое-то приподня-

тое. И как-то светло и радостно на душе. Но однако скреблись и сомнения – а придет ли она на второе свидание? Может, она все-таки абсолютно равнодушна ко мне? И даже наверняка равнодушна, изводил я себя, пытаюсь быть объективным. Ну что во мне может ее привлечь? А? То, что вчера лапшу ей навешал? А держался? Не очень. А у нее – компании, студенты-практиканты и так далее. Народу вокруг нее много. Сама она – девочка красивая, всяких повидала парней, всякие способы ухаживания испытала – есть с чем сравнить, есть что выбрать. Да, шансы твои равны нулю, покачал я головой.

А через минуту – брось, она ведь сказала – звони, и другие ее фразы, и под руку все-таки взяла. Это что-то да должно означать?! А действительно, значит ли это что-то? – тут же в сомнении подумал я.

Погладил джинсы – на всякий случай. Навел дома порядок – вдруг все же согласится в гости ко мне заглянуть? Почистил зубы.

С трудом дождался девяти вечера. Поспешно вышел на улицу, изрядно волнуясь. Подошел к телефонной будке. Пошарил в карманах. Двухкопеечной монеты у меня не оказалось. Но зато был десятник, который и по размеру и по весу очень похож на двушку. Кинул его в автомат. Позвонил. Трубку взяла ее мама – потому что голос был хоть и женский, но совершенно другой. Попросил Ирину. Она долго не подходила, отчего тучи в моей душе только сгустились в тре-

возможном предчувствии.

– Да, – наконец произнесла она.

– Ира, привет. Это Михаил.

– Привет, – как-то устало ответила Ирина.

– Как ты себя чувствуешь?

– Плохо.

Этого я совсем не ожидал. Растерялся.

– Да, работа совсем тебя замучила, – только и сказал я, мучительно подбирая нужные в данной обстановке слова.

– Не говори.

– Значит, выйти не сможешь?

– Нет.

Помолчал.

– Чем сейчас занимаешься?

– Спать собираюсь.

Опять пауза.

– А завтра как?

– Не знаю.

Я снова долго соображал, что же дальше?

– Мне завтра позвонить?

Она немного подумала.

– Не стоит.

Как кувалдой по голове! Снова молчание. Я лихорадочно обдумывал свое дальнейшее поведение, так как по всей видимости меня выставляли за дверь.

– Ладно, иди отсыпайся, – выдавил я из себя, не найдя

другого пути, и решительно повесил трубку, не дожидаясь ее ответа.

Все, финиш, только покривился я, выходя из будки.

Домой поднялся совсем в плохом настроении.

Молодец, Ирка! – с горечью восклицало что-то внутри меня.

От расстройства я включил магнитофон. Deep Purple – You keep on moving. Сел на диван. Застыл, скрестив руки на груди. Решил про себя – все на этом, совсем звонить не буду.

Но спокойно высидел совсем немного – мысли и эмоции лавиной смели меня с дивана, заставив вскочить на ноги.

Зачем тебе все это? Дурак ты, дурак. Зачем бросил трубку? Нельзя подавать вид, что тебе что-то не нравится, что ты обиделся. А кто ты такой, чтобы обижаться? – спросит она. И будет права. Надо было с ней все-таки подольше поболтать, чтобы у нее осадок приятный остался. А то – бросил трубку, олух.

Включил телевизор. Тупо и бессмысленно пялился в какое-то кино. Но вдруг, зло засмеявшись, спросил себя – Куда ты полез, Михаил?! – и невесело усмехнувшись, сам себе ответил – на Останкинскую телебашню.

Дурак, ты бы еще спросил – Может, мне совсем не звонить? – На что она вполне естественно ответила бы – Да...

С грустью подумалось вдруг – молодая, красивая, хорошая. Вспомнил, как смотрел на нее в автобусе, как сердце сжималось! Эх... Королева!

Так тоскливо на душе!

А действительно, кто ты такой? – говорил я сам с собой. – С чего это ты решил, что она будет думать о тебе целыми днями? Нет этого, нет! Усвой это. Все нормально. Может, ты и интересен ей, но это еще не значит, что она должна немедленно бросать все свои дела из-за твоего звонка. Просто ты уж очень резко начал, звонками замучил, поэтому она так тебе и ответила. Лучше займись собой. И держи марку.

В который раз я прошелся по квартире. Вот и снова неопределенность, снова интрига, снова волнение – будет ли оно, свидание? Или на этом все? Конец? Лимит исчерпан?!

А ведь я тщательно готовился к этой встрече, зубы почистил, ботинки купил! Смешно сейчас все это вспоминать. Ну, что ты так переживаешь? Сам виноват, напридумал себе. А ведь так не бывает, чтобы все сразу же было хорошо!

А ты еще так радовался, что у нее грубоватый голос, курит и дикие манеры – это, мол, должно тебя отталкивать, и поэтому не должен переживать и думать так много о ней, и значит она ненадолго задержится в твоём сердце. Но – она красива, общительна, легко идет на знакомства, быстро берет под руку, разговорчива. Вот так-то... Дон Жуан.

А может, она с тобой по-дружески? – вдруг принялся я искать оправдание всему случившемуся – лазейки, они ведь так нужны! – А? Устает на работе. Плохо себя чувствует. И чисто как другу прямо сказала – мол, плохо себя чувствую, завтра не звони, – совсем не собираясь тебя обидеть? А ты

трубку бросил, – это могло ее обидеть.

А может – я просто себя успокаиваю?

А может я просто мало интересен для нее оказался?

Ясно, – подумалось мне с горечью. – Сама окунулась в воспоминания, получила удовольствие, и все на этом, решила, что этого ей вполне достаточно!

Короче, эту ночь я снова не спал.

Глава 5.

Утром, 16 апреля, в четверг, встал как обычно – в 7:10. Уже во всю светило солнце. Пока завтракал, все решал: позвонить – не позвонить? Но потом твердым усилием воли решительно взял себя в руки. Какие могут быть звонки?! Не надо позориться! Забудь ее!

Но, тем не менее, все валилось из рук, ничего не хотелось делать, и я с расстройства сначала сбрил свои армейские усы. Потом сходил в паспортный стол – вставать на учет. Здесь неожиданно возникли проблемы с военной регистрацией. Паспортистка настаивала на обыкновенном военном учете, а майор из здания на Коммунистической твердо сказал – никаких военных учетов, у тебя – спецучет, здесь, у нас.

В конце-концов мне надело пререкаться с женщиной, тем более, что она позвонила военному комиссару и дала мне трубку. Я послушал его, потом сказал – одну минуточку, и на другом телефоне набрал номер майора, сообщил в обе трубки тему беседы и приложил их друг к другу – так я в армии поступал, в наряде по части, когда необходимо было срочно связать друг с другом двух офицеров, имеющих одноуровневые должности (в таких случаях никто первый из них не позвонит другому – с какой это стати?).

Кое-как вопрос с учетом утрясся. Я вышел из здания постоял на крылечке – что дальше-то делать? Паспортный стол

располагался в деревянном бараке на Макаренко, и я невольно посмотрел в сторону Ирениного дома, и конечно же увидел его – вернее, только угол, выглядывающий между домов. И вдруг так сильно захотелось зайти в ее двор, сесть неподалеку от ее подъезда, дождаться ее с работы – хотя бы просто увидеть ее, хотя бы даже издалека!

Поборов себя я решительно направился на свою старую работу – благо она совсем рядом. На проходной меня, несмотря на два года и два месяца, узнали и пропустили без пропуска. Я прошелся по территории УМИАТ. Подошел к зданию МСУ-70. Вошел внутрь. Ничего здесь не изменилось – все те же бетонные лестницы, выкрашенные в желтый цвет с зелеными бордюрами. Поднялся на третий этаж, который занимал мой родной участок – номер 11.

Встретили радостно, с распростертыми объятиями. Естественно – мое рабочее место было занято – я сам же и готовил сменщика перед уходом в армию. А контора – работа исключительно на предприятиях, работающих с ядерными веществами. И вся наша толпа работала исключительно в командировках, в городах, в названиях которых присутствовало название ближайшего города, плюс – какая-то цифра. Например: Красноярск-26, Томск-7, Арзамас-75, Челябинск-70 и прочее. В самом Новосибирске были только две точки, где мы также работали – на самом участке номер 11 (это место я до армии и занимал) – обслуживать компьютер, на котором работали перекомандировочные – чтобы они не

бездельничали. И на заводе НЗХК, или завод номер 80. Наше начальство пообещало меня устроить туда в командировку. А мне до него пешком – сорок минут. Все лучше, чем мотаться на смаолетах или поездах на три месяца куда-нибудь в закрытый город, потом – две недели в Новосибирске на перекомандировке (по закону положено) – и снова на три месяца!

Договорились, что все необходимые документы я принесу либо сегодня, либо завтра. С тем я и ушел.

А дома опять же – абсолютно нечего делать! Маялся, маялся, не зная, чем себя занять, и постоянно прогоняя мысли об Ирине.

Вечером, в восьмом часу, измученный за целый день, я наконец-то заставил себя выйти на улицу позвонить друзьям – встретиться, а то уж больно тоскливо сидеть дома, необходимо хоть чем-то отвлечься от Ирины! Но ни Тимофеича, ни Яши с Добкиным не было дома, и домашние не знали, где их искать. А у Игорька телефон вообще не отвечал. С последним звонком я бросил трубку на рычаг – звонить было больше не кому. Со звоном выпала двухкопеечная монетка. Вытащил, в задумчивости повертел ее в руках, не зная, что делать дальше. И, совершенно неожиданно для себя, бросил монетку обратно в телефон и решительно набрал номер Ирины.

Долгие гудки. Я замер. Сердце, в тревожном ожидании,

бешено застучало. К тому же я не знал, что ей сказать, как оправдать свой столь ранний звонок. Ведь русским же языком накануне было сказано...

– Слушаем вас внимательно, – вздрогнул я от неожиданности.

Трубку, судя по голосу, взял ее отец.

– Добрый день, – вежливо поздоровался я, ужасно волнуясь. – Можно услышать Ирину?

– Минуточку.

Пауза. Удаляющиеся шаги. Тишина. Тишина. Тишина.

Приближающиеся шаги.

– Да? – женский голос с легкой хрипотцой.

– Привет, – тоже хриплым от волнения голосом произнес я, напроочь позабыв назвать себя.

– Привет, – ответила она, не спросив, кто это.

– Чем занимаешься? – произнес я первое, что пришло на ум. Сердце по-прежнему бешено колотилось и ужасно мешало мне разговаривать, а также правильно осмысливать все происходящее.

– Телевизор смотрю. Спокойной ночи, малыши, – как-то вяло ответила она

– И потом – спать? – попытался пошутить я.

– Да нет.

– Тогда давай встретимся? – без всякой надежды, просто так, предложил я.

– Ну, давай, – как-то даже равнодушно протянула Ирина.

– Где? – тут же встрепенулся я – сердце застучало еще сильнее, заглушая звуки ее голоса.

– У "Современника", – спокойно ответила она. – Все ближе идти.

– Во сколько? – продолжил я, в душе еще не веря во все происходящее.

– Через полчаса, – слегка задумавшись ответила она.

– Хорошо, – быстро согласился я. – Жду. – И тут же положил трубку, чтобы она не успела передумать.

Зайти домой или не зайти? Впрочем, моя вязанная шапочка как-то больше годилась для лыжных гонок, чем для прогулок с красивой девушкой. И тем более, что мокрый снег уже закончился, И я быстренько сбежал домой, бросил шапку на полку в коридоре. Потом, вспомнив, переобулся кроссовки на новые ботинки. Постоял, подумал, может еще что-надо? Но другой одежды, кроме военной формы, у меня еще не было – старая тесновата в плечах стала, да и голова плохо еще соображала от волнения, и я махнул рукой и пошел к кинотеатру, благо идти до него от моего дома – каких-то сто пятьдесят метров.

Естественно, все эти полчаса я просидел на мокрой лавочке у "Современника", возле голубых елей. А передо мной – мокрая грязная площадь с остатками снега, входящий в кинотеатр и выходящий из него народ в серых, по погоде, одеждах. Тучи, в которых пряталось вечернее солнце, мгла,

пасмурно, сыро, гадко. Короче – погода совсем не располагала для свиданий! И, тем не менее, я сидел на самом краешке мокрой лавочки – чтобы не запачкать джинсы, полный радужных надежд, в предвкушении чего-то просто нереального, и на погоду совсем не обращал внимания. Какое мне дело до погоды, когда здесь такое творится!

Ирина опоздала всего на две минуты.

Я увидел ее со сторону улицы Столетова – еще издалека. Заволновался, как школьник, наблюдая за тем, как она идет ко мне – именно ко мне! – наслаждаясь и млея от восторга. Она была в белом своем пальто-плаще, и в меховой шапке – сибирский апрель все-таки! С сумочкой через плечо, из которой выглядывал зонтик. И, конечно же, на каблуках. Но не двенадцать сантиметров, и на том спасибо. Когда она ступила на площадь перед кинотеатром, я встал в нерешительности – идти на встречу, или все-таки подождать? Да так и остался возле лавочки. Она неторопливо приближалась, глядя прямо на меня. Я неотрывно смотрел на нее. Подошла. Остановилась. И я с внутренним удовлетворением отметил, что она уже не выше меня. По-крайней мере я уже не смотрю на нее снизу вверх. Довольный этим я подчеркнуто старомодно-галантно наклонил голову. Она, смеясь одними глазами, в ответ изобразила легкий реверанс. Я улыбнулся этому, подставил ей свой локоть, и она тут же взяла меня под руку. Развернула. Повела по Объединения. Я, естественно, подчинился. Под очень мелким морозящим дождиком мы прошли

мимо почты, мимо дома культуры Гайдара, мимо универмага "Юбилейный", явно снова направляясь в сторону Соснового бора.

– Усы сбрил? – вдруг спросила она.

– Надоели в армии, – стараясь говорить как можно небрежнее, отмахнулся я, в душе все еще отчаянно волнуясь.

– Стал еще моложе выглядеть, – заметила Ира.

Я невольно покраснел. Ведь и усы в армии я отрастил только для того, чтобы выглядеть серьезнее и старше – а то как командовать прапорами и солдатами? – думалось мне пока меня почти год предварительно проверяли. Но попав в армию я понял, что не в усах дело. Но... на военном билете и на всех пропусках я уже был с усами, и если их сбривать, то все эти документы надо будет переделывать. И усы я оставил. Впрочем, что я сейчас. Я ведь уже не в армии. Я – на гражданке.

Между тем дождик усилился, превратившись в слякотный и пронизывающий.

Ира молча вела меня. И наш путь опять вел в лес, за трамвайную остановку.

Молча пересекли улицу Лесную. Вошли в темный Сосновый бор. Свернули на какую-то грязную аллею.

– Не боишься, что заведу сейчас? – вдруг как-то даже серьезно спросила она, внимательно глядя на меня. – Газеты-то читаешь?

Я газеты конечно-же не читал, но намек понял и только

усмехнулся.

– Отобьешься? – снова спросила она на полном серьезе, и мне от ее интонаций стало даже как-то не по себе.

– А ты как думаешь? – ответил я, деланно усмехнувшись. – Я же все-таки пограничник! Тоже кое-что умею.

И она на это промолчала.

Мы вышли на широкую тропинку, густо стесненную высокими соснами, и я тут же ярко вспомнил и эту тропинку, и Тимофеича,

– Недели две назад, – неторопливо начал я, – по этой самой тропинке мы шли с Шуриком... Шура – это мой одноклассник, который к тому же служил в той же самой части, но только на два года раньше меня. Я как раз попал на его место, получил в руки его боевой журнал. И все в подразделении ко мне относились очень хорошо – так как Шурик очень хорошо себя зарекомендовал... Да, так вот, – спохватился я, заметив к своему ужасу, что лицом она заскучала, – мы шли с ним ко мне домой, ночью, и вдруг стали чеканить шаг, и орать свои строевые песни – сначала его подразделения – "Варяг", потом моего – "Были мы вчера сугубо штатскими"...

Она кивнула. И непонятно, как ей мой рассказ? Наверное – не очень. Но оно и понятно – армия и женщины – две большие, абсолютно непонимающие друг друга противоположности.

Военная тематика, всколыхнувшись, подняла огромное

множество всевозможных, забавных – с армейской точки зрения – историй. И я ту же продолжил, в надежде, что эта история понравится ей больше.

– На вечерней поверке, в самом ее конце, мы поем гимн, – начал я, невольно погружаясь в совсем еще свежие воспоминания и видя перед собой плац в сумерках десяти часов вечера, строй, командира части напротив... – И наше подразделение располагалось как раз посередине строя. И я, стоя первым, всегда находился как раз напротив командира части, подполковника Белевского, шагов в пяти-шести от него. И вот мы стоим напротив друг друга, смотрим глаза в глаза, оркестр начинает играть гимн, но почему-то абсолютно на похоронный мотив, я добросовестно пою первый куплет, за ним – припев, а потом просто начинаю разевать рот, так как дальше я не знаю. И вот я стою, смотрю на командира части, тупо разевая рот, и понимаю, что он видит это, да еще эта похоронная мелодия – и от всего этого такой смех начинает меня одолевать – кое-как сдерживаюсь, напрягаюсь, чтобы не рассмеяться. Добросовестно разеваю рот все оставшиеся куплеты, давая себе твердое слово – на этот раз выучить гимн полностью. И потом мы расходимся, и я забываю про это обещание – не до него – и так других проблем выше крыши. А на следующий месяц – снова вечерняя поверка, и все повторяется заново... И так – все два года.

Я посмотрел на нее – мне было интересно, как она отреагирует? Ира тоже посмотрела на меня. Кивнула, несмело

улыбнувшись.

– У меня тоже с гимном история была, – произнесла она, перехватывая разговорную инициативу. – Один знакомый, тихий такой был, молчаливый. Ну, думаю, скромный попался, – добавила она, смешно потирая руками – изобразив в лицах свое тогдашнее состояние. – И как-то его друг вдруг стал приставать ко мне. Я его, естественно, послала. А этот скромный вдруг хватить бутылку и на меня: Ах ты моего друга посылаешь?!... Такой вот скромный оказался. Потом мы всей компанией возвращались на электричке, этот скромный вдруг хватить меня за горло: Пой гимн! – Да не знаю я. – Пой. – Ну я и запела, что помнила. – Громче! – Так и пела на всю электричку. Потом его посадили – девчонку зарезал. Придурок.

Я с удивлением скосил на нее глаза, но так, чтобы она этого не заметила. Однако! – только и подумал я, мысленно покачивая головой. – Хорошо, что ей попался я, а не какой-нибудь дебил. Хотя вон сколько у нее приключений! Может, у нее чутье уже выработалось?

Мы прошли мимо пустых аттракционов, мрачно чернеющих среди высоких сосен. Вышли на Александра Невского.

По пустой темной улице, гремя чем-то железным, мимо нас пролетел одинокий грузовик и чуть не облил нас грязью, в изобилии скопившейся по краям проезжей части. Я резко остановился, тормозя Иру. Потoki грязи звучно шлепнулись прямо перед нами.

– Бл..ь! – вырвалось у нее. – Извиняюсь за выражение, – скосила она на меня глаза.

Я только кивнул.

Повалил мокрый снег с дождем. Причем – довольно сильный. Неприятно повеяло резким зимним холодом. Стало темно и как-то неуютно. И мы, не сговариваясь, тут же повернули обратно. Ира была без рукавиц (мои руки грелись в карманах). Руки мерзнут. Она остановилась, достала зонтик:

– Шапка замокнет, – объяснила она, дыханием согревая руки. – Да и ты тоже.

Я невольно улыбнулся такой заботе.

– На первом месте – шапка, – пошутил я.

– Ну, естественно! – театрально всплеснула она руками.

Мы посмеялись пока Ира раскрывала зонтик. Потом я забрал его у нее, накрыл нас обоих. Она сунула руки в карманы. Прошли два шага. Чувствуя, как снег падает мне за шиворот и на левое плечо, я решительно остановился.

– Мы так под зонтик не влезем, – наконец, не выдержал я. – Возьми меня под руку и встань теснее.

Она послушно взяла меня под руку, слегка прижалась. Я левой рукой накрыл ее ледяную руку, согревая. Мы пошли дальше.

Опять, как и в первое наше свидание, она говорила всю дорогу. Рассказала про своего брата – двойняшки. Он был в детстве болезненный, маленький, и Ира его гоняла. А сейчас он подросток, стал выше ее на голову, широк в плечах. В

армии сейчас. Южный – фамилия. Я запомнил. Нормальная фамилия, подумал я. У нашей классной руководительницы вообще была фамилия – Строгая!

Подошли к "Юбилейному". Снег с дождем затихли и я свернул зонтик и нес его в руках. Ира завернула во двор магазина. Дошли до школы 143, зашли в ее двор. Поднялись на мостик через большие и толстые трубы отопления – в глубоком детстве я любил по ним бегать! Остановились.

– Мы раньше компанией часто здесь собирались, – сказала она, доставая сигареты.

Закурила. Стояли молча. Снова повеяло каким-то неудобством, дискомфортом. Снова я лихорадочно принялся искать темы для разговора.

– Ты про спирт прошлый раз рассказывала, как пили на лабах, – вспомнил я, глядя вниз, на трубы. – Я тут вспомнил одни забавные истории.

Она никак не отреагировала на мои слова, молча покуривая и, облокотившись руками на перила, как-то отрешенно-задумчиво глядела вниз, на трубы. Может, вспоминала что-то, связанное с этим местом? – кольнуло меня.

– До армии по роду работ мы занимались предприятиями, имеющими дело с радиоактивными веществами. В Новосибе такое всего одно – 80-й завод, поэтому, в основном, мы ездили в командировки по закрытым городам – Красноярск-26, Томск-7... И в Семипалатинский полигон.

Она скосила на меня глаза.

– Я там не был, – тут же пояснил я, – Не знаю, чем наши там занимались. Может, датчиками радиации какими-нибудь...

Ира отвернулась.

– Мужики рассказывали... На профилактику компьютеров им выдавался спирт. Причем, качественный, питьевой, так как если разъемы протирать изопропиловым, то можно надыхаться и если не умрешь, так существенно повредишь свое здоровье.

Ира снова покосилась на меня.

– Например, зрение потеряешь, – тихо произнесла она, как-бы мимоходом.

– Ну да, – согласился я, слегка удивляясь ее просвещенности в области метиловых спиртов. – Выходило около девяти литров, – продолжил я. – Начальник ВЦ хранил его в железном шкафу в трехлитровых стеклянных банках. И вот как-то в ночную смену наши мужики расстелили на полу полиэтилен, подняли этот шкаф и аккуратно, но сильно, бросили вниз, так, чтобы бумаги внутри остались все на своих местах, не рассыпались, а банки – разбились. Спирт вытек через щели и его собрали. На утро начальник растерянно смотрел на банки, а мужики сочувственно ему говорили: Наверное, вы банки плотно закрыли, спирт нагрелся, вот банки и лопнули.

Ира впервые улыбнулась, и я, довольный, продолжил.

– Но так продолжалось недолго и начальник стал держать спирт в алюминиевой канистре. Тогда мужики просверлили

стенку позади шкафа, просверлили сам шкаф и канистру в верхней ее части – заранее вычислили, долго готовились – сунули кембрик и слили весь спирт, как бензин из бензобака.

Ира снова улыбнулась. А я вдруг к ужасу своему понял, что иссяк – не рассказывать же ей снова про армию?!

Она бросила сигарету вниз. Молча спустились с мостков, дворами вышли на хмурую улицу Объединения – уже совсем стемнело, зажглись редкие фонари. Дошли до Современника. И тут дождь заморосил вновь – мелкий, ленивый, бесконечный. Я принялся раскрывать зонтик и мы остановились. Распахнул его, поднял над Ириной, и она, помедлив, встала ближе ко мне.

– Может, зайдем ко мне? – вдруг предложил я просто так, ни на что в душе не надеясь, и вопросительно-умоляюще посмотрел ей в глаза. – Ну?..

– Это обязательно? – слегка напряглась она, как-то пристально посмотрев на меня в ответ.

– На пять минут. Чаю поьем, – продолжал настойчиво уговаривать я, только теперь по-настоящему заволновавшись – а вдруг получится?! – и стараясь улыбкой сгладить ее напряжение – так ведь можно и окончательно ее потерять! – Отогреемся, – просительно закончил я, как можно искреннее посмотрев на нее. Даже вспотел от напряжения, почему-то боясь вытереть пот со лба.

Ирина молчала. Судя по ее лицу – о чем-то серьезно размышляла. Потом чуть заметно кивнула.

И мне сразу же стало так легко на душе! Не передать словами! До этого момента я, честно говоря, совершенно не мог представить ее у себя дома, в моей домашней обстановке! Да и сейчас я этого тоже представить пока еще не мог!

– Вот мой дом, – указал я на ближайшую к Современнику пятиэтажку за пустырем, наполовину занятым базарными киосками.

Она внимательно посмотрела на старенький восьми подъездный панельный дом с плоской крышей, стены которого когда-то были выкрашены в светло-желтый цвет. Я взял ее под локоть. Ужасно волнуясь – вдруг все-таки передумает? – слегка подтолкнул вперед. Она неуверенно шагнула, потом второй шаг, третий... Пошла! Я шел рядом, волнуясь и ликуя в душе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.